

The background of the cover is a dramatic illustration. At the top, a swirling, stormy sky contains a bright, glowing eye-like opening from which a lightning bolt strikes down. Below this, a wizard with a long white beard and a dark, flowing robe stands on a rocky outcrop. He holds a long, dark staff topped with a glowing blue crystal. In the foreground, a large, metallic, mechanical creature lies on the ground, its body covered in rivets and pipes, with a large, spiky, hair-like structure protruding from its side. The overall scene is one of magical power and conflict.

Илья Новак
**ВЫСОКАЯ
МАГИЯ**

ЭКСМО

Илья Новак
Высокая магия
Серия «ПАТИНА –
Магическая Сеть», книга 1

Текст книги предоставлен издательством "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163422

Высокая магия: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-21382-5

Аннотация

На контрабандиста по имени Джанки Дэви начинается охота: двое самых могущественных людей побережья возжелали его смерти. Чтобы раздобыть денег и скрыться от преследования, Джанки вынужден взяться за дело, слишком опасное даже для него.

Последний из племени эльфов-пустынников предлагает контрабандисту ограбить секретную базу, скрытую в жарких песках пустыни Хич. Гномы прячут там настоящее богатство сверхмощные штурмовые заклинания. Но атаковать надо сразу на двух уровнях, ведь помимо вооруженных до зубов воинов базу охраняет новейшая боевая магия.

И бывший контрабандист берется за дело, не зная еще, что этим лишь ухудшит свое положение: теперь им заинтересуются

маги-взломщики, те самые, что контролируют незримую для простых смертных Магическую Сеть, опутавшую этот мир...

Ранее роман издавался под названием «Клинки сверкают ярко».

Содержание

Пролог	5
Часть первая	16
Разговор. «Облако»	16
1	16
2	34
Подготовка. Город	52
1	52
2	63
3	79
На дороге к лезиям Олни. Оазис	85
1	85
2	96
3	114
База заклинаний. Штурм	120
1	120
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Илья Новак

Высокая магия

Пролог

Не люблю лепреконов. Лично мне они ничего плохого не сделали, просто никогда не знаешь, как себя с ними вести. Гномы, орки, эльфы и гоблины – с этими расами все понятно, у каждой свои особенности, давно ставшие привычными. Но лепреконы слишком уж ненормальные, из-за этого в их присутствии я нервничаю. Вот и сейчас, сидя на носу лодки, я то и дело поглядывал назад, на братьев Грецки, разместившихся ближе к корме с удилищами в руках.

Вообще-то их трое: Яни, Арка и Агати, но в лодке сидели только старший и средний, Яни с Аркой. Казалось бы, руководить должен старший, как у всех остальных заведено, а нет – братьями верховодил отсутствующий Агати.

Лодка покачивалась на волнах далеко от пристани. Туман низко стелился над черной водой, порт был почти неразличим – лишь светились блеклые пятна огней да торговая баржа темнела в сумерках. Ветра нет, тишина, только мелкие волны тихо плещутся о борт. Лодка сидела в воде глубоко, слишком глубоко для такой легкой посуды, в которой к тому же находились лишь трое.

– Плывут, – сказал Арка, откладывая удилице. – Джа, слышишь?

– Слышу, – откликнулся я. – Это сторожевой катер.

И точно – в сумерках возник темный силуэт, зашумело водяное колесо, скрипнули ванты, и нос катера навис над лодкой.

– Кто здесь? – произнес, перегибаясь через борт, бравый таможенник, известный всему порту орк по имени Монголу Гоб.

Лепреконы молчали, я же, поднявшись во весь рост так, что мое лицо оказалось напротив лица Монголу, ответил:

– Это я. Узнаешь? Со мной Грецки. Мы тут... – Я повел рукой в сторону сваленных на дне лодки удилиц, большой корзины с еще живой рыбой и другой, поменьше, измазанной кровью и требухой, – с рыбой уже выпотрошенной.

– Рыбку ловите? – блеснул интуицией Монголу, грузно прыгивая в лодку.

Я заметил, что с палубы катера на нас глядят еще несколько орков из команды, все как на подбор здоровые лбы, все с оружием.

Лодка качнулась. Я уселся, вытянув ноги. На мне были парусиновые штаны, ботинки на толстой подошве, рубаха и куртка с меховой подкладкой. Хотя ветра и нет, ночью на реке прохладно. Запахнувшись, я сунул руки под куртку.

– Корабля тут не видали неподалеку? – спросил таможенник, перешагивая через мои ноги и заглядывая в корзины.

– Это какого корабля? – удивился я.

– Быстрого, однако. – Ногой, обутой в огромный сапог, Геб пихнул корзину так, что она перевернулась, и носком поворошил рыбы потроха. – И маленького. Такого, что в темноте его почти и не разглядеть. И без палубных огней, во как. Мы смотрим – что-то вроде мелькнуло в тумане, погнались за ним, да без толку. Возвращаемся – а тут вы. Подозрительно, однако. Может, вы этот корабль и поджидаете? А может, даже успели товар с него получить? А ну-ка покажите товар...

– Брось, Монголу, – откликнулся я. – Какой товар, о чем ты? Где он, по-твоему, у меня за пазухой? И вообще, стали бы мы вот так, в открытую...

Он перебил:

– Я откудава знаю? Может, и стали бы. А вы чего молчите? – грозно обратился таможенник к лепреконам. – Языки проглотили? Я ж вас знаю, жулье мелкое, с каких это пор вы рыбачить стали? Что провозите без положенных пошлин, признавайтесь немедленно!

Услышав шум на палубе катера, я оглянулся – двое орков-матросов встали на носу со взведенными самострелами в руках. Самострелы у них были эплейского производства, гораздо мощнее тех, что делали гномы и люди. На городской таможне это оружие облагались очень большим налогом, ведь сами эплейцы продавали его задешево. Самострелы до сих пор могли позволить себе лишь стража Протекто-

ра, таможня да охранники богатых баронов. Еще Микоэль Неклон, первый городской маг, вооружал ими своих ищеек.

Несмотря на прохладу, по моему лбу потекла капля пота, и я быстро, пока таможенник не обернулся и не заметил, смахнул ее.

Яни, пожав плечами, встал. Монголу был на голову выше меня, а лепреконы – на две головы ниже, так что нос коротышки оказался как раз на высоте объемистого брюха орка. Старший Гречки распахнул курточку, показывая таможеннику, что под ней ничего не спрятано, и неразборчиво забормотал:

– Ловим рыбу часто мы. На ужин кушать рыбку любит младшенький наш, Агати.

– Рыбку кушать... – передразнил Монголу, поморщился и плюнул за борт. – Вот скажи мне, карла, почему лепреконы такие... неправильные? Даже говорить толком не можете, все у вас наоборот... – Он с омерзением подергал за отворот куртки, надетой на Яни шиворот-навыворот, подкладкой наружу. – И где Агати? Почему с вами не поплыл?

– Дома спит, – сказал я. – Он захворал малость.

– Чем это он, однако, захворал? – подозрительно переспросил Монголу, оборачиваясь.

– Понятия не имею. У них болячки все какие-то ненормальные, ты ж знаешь.

– Это да... – согласился он и вдруг рывкнул на Арку: – Так, а это что?!

Лепрекон покосился на пару привязанных к борту лодки веревок, концы которых исчезали в воде. Наклонившись, Яни вцепился в них обеими руками, широко расставил короткие ножки, поднатужился и потянул.

Некоторое время таможенник наблюдал за сетью, которая начала показываться из воды, затем, увидев большие куски чего-то темно-красного, облепленного водорослями, шумно вздохнул.

– Мясо! – произнес он. – Мясо у вас там стухшее в сетке! Джанки! – Таможенник растерянно повернулся ко мне. – Чтоб я лопнул, вы сдурели совсем? Кто это гнилое мясо в сеть кладет?

Над лодкой в самом деле начал распространяться дух испортившегося мяса. Вытащив одну руку из-под куртки и зажав нос пальцами, я откликнулся:

– Меня не спрашивай. Это их идея.

– Ловим ската, – произнес Яни, когда орк грозно повернулся к нему. – Идет хорошо на мясо скат.

– Во придурки! – взревел, хватаясь за голову, Монголу, известный в прибрежном квартале энтузиаст рыбной ловли. – Когда это скат на сгнившее мясо летом шел-то? Ну карлы, ну извращенцы! – Зажав нос, он тяжело потопал прочь от кормы, наступил мне на ногу, ухватился за протянутую руку матроса и взобрался на катер. – Отчаливаем, однако!

Лодка качнулась, зачерпнув воды, и я вцепился в борта.

– Скот – на гнилое мясо?! – донесся из сумерек возму-

ценный голос Монголу. – Уроды! На мясо сом идет. И не летом, а весной. И только на мелководе! И не на мясо, а на сыр заплесневевший! Воры, бандюги, контрабандисты, вот и занимались бы своим делом, так нет – ската на мясо летом ловить вздумали! – Зашумело гребное колесо, катер начал отплывать, а голос таможенника все звучал и звучал, постепенно стихая: – Не, ты слышал, Газабой, ската на мясо летом?.. Идиоты...

Вытащив руку из-под куртки, где у меня висели ножны с коротким, тонким и очень острым стилетом, я сказал братьям Грецки:

– Все, гребите.

* * *

Лодка уткнулась носом в торговую баржу как раз там, где располагалась лавка лепреконов. Агати уже поджидал нас – я различил на фоне звездного неба его голову, потом раздался скрип, и рядом со мной опустился привязанный к толстой веревке крюк.

– Цепляй, – сказал Агати.

– Поверните, – приказал я Арке и Яни. – Так не дотянуться.

Они развернули лодку; я, волоча за собой крюк, перебрался к корме и зацепил его за сеть. Братья тем временем выбрасывали в воду рыбы потроха из корзины. Когда с этим

было покончено, я перебрался на баржу и помог Агати вращать рукоять лебедки. Раздался шум льющейся воды, когда груз, лежащий в сетке, показался над волнами. Веревка натянулась; Яни с Аркой вцепились в большой сверток парусины, перетянутый крепкими шнурами, и перевалили его через борт.

Спустя минуту груз оказался наверху. Мы находились в узком закутке между задней стеной лепреконской лавки и бортом баржи. В стене был люк, через который в воду выбрасывался мусор, и сверток пролез в него. Вообще-то торговая баржа, громоздкое плавучее сооружение, стоящее на вечном приколе в порту города Кадиллицы, не предназначалась для швартовки лодок – это даже запрещалось. Уже давным-давно баржу использовали как портовый вариант обычного рынка. Широкая и длинная, по краям – лавки, посередине – проход. Магазин лепреконов располагался на корме баржи, в месте, куда не всякий покупатель добредает. Но Грецки торговля и не интересовала, лавка была лишь прикрытием, ширмой для тех дел, которыми они обычно занимались.

Агати, пихая перед собой сверток, залез в люк, а мы с Яни и Аркой спрыгнули обратно в лодку. Лепреконы взялись за весла и в два счета подгрести к берегу.

Возле сторожки, охраняющей проход на баржу, сидели два охранника. Наверное, они уже успели получить указания от Монголу – как только мы, привязав лодку, вылезли на

пристань с корзинами и удилищами, оба встали и подошли к нам.

– Как рыбалка? – спросил один, приглядываясь к корзинам. – Ската-то изловили?

– На мясо? – вставил второй, ухмыльнулся и подтолкнул первого в бок.

– На гнилое, – добавил первый и тоже ухмыльнулся. Лепреконы что-то заворчали на своем вывернутом наречии – у них хватило ума изображать оскорбленных в лучших чувствах рыбаков, а я равнодушно ответил:

– Ската нет, зато мелочи всякой полная корзина. А вы все спите, а?

– Кто спит? – откликнулся стражник. – Этой ночью движуха прям небывалая. Гномы туда-сюда снуют, к празднику готовятся, а только что какой-то эльф прибыл...

– Что за эльф? – поинтересовался я, думая о своем.

– Важный такой, одет хорошо, как будто и не эльф вовсе. Спросил, где можно переночевать...

– Эй, Яни! – так громко, чтобы слышали стражники, обратился я к старшему Грецки. – Поздно уже на постоянный двор идти. Я у вас переночую, да? Найдется в вашей лавке для меня кровать?

– Постелем на полу матрас тебе, – равнодушно откликнулся он.

Я повернулся к стражникам:

– Так что я тут останусь.

Они пожалы плечами и сняли замок с цепи, перекрывающей проход на баржу.

– У вас теперь много хлопот будет, – заметил я, когда мы с лепреконами прошли мимо стражников. – Большой Прилив ведь скоро?

– Гномы уже приезжать начали, – откликнулся стражник. – Портовые трактиры забиты.

– Ага... – сказал я, не поворачивая головы.

Мы с лепреконами двинулись по широкому темному проходу между лавок. Кое-кто из торговцев имел дома на берегу и приходил сюда только днем, а те, что победнее, так и ночевали в своих магазинчиках. Позади возле сторожки горел факел, и по проходу протянулись наши длинные тени.

Баржа не качалась – она была широкой и тяжелой, казалось, что мы идем не по плавучему сооружению, а по обычному причалу. Вскоре я различил приоткрытую дверь лавки Грецки и вслед за лепреконами вошел внутрь. Яни с Аркой, волоча за собой корзины и удилица, тут же куда-то утопали, а я побрел по коридору, из которого попал в обширную комнату.

Я огляделся. Это еще одна особенность лепреконов, самая противная – с теми помещениями, в которых они долго живут, начинают происходить такие странные штуки, что оторопь берет. Впереди горела свеча. Ее свет медленно пульсировал, то съеживался в раскаленное чечевичное зернышко, то расплывался бледно-оранжевым пятном, и тогда по

пыльному серому пространству, по лабиринту, наполненному какими-то громоздкими предметами с неясными очертаниями, расплзались смутные, неверные тени. Я обошел длинный стол, заваленный контрабандными товарами, перелез через несколько мешков, протиснулся между широкими деревянными столбами... и увидел Грецки, всех троих, присевших на корточки возле расстеленного на деревянном полу большого куска парусины. Тут стояла еще одна свеча, в ее свете поблескивали составные части самострелов – тех самых, эплейских.

Опасное дело. Настолько опасное, что пока еще никто не решался контрабандой провезти в Кадиллицы эплейские самострелы. Кое-кому это могло совсем не понравиться. Опасное, да. Но и выгодное.

Младший, Агати, поднял голову. Из зубов его торчала короткая трубка, чашечка которой была повернута книзу.

– На телеге с сеном гном приедет утром, – молвил Агати, глядя на меня. – Для Большого Прилива празднования якобы товар покупать. В сене самострелы спрячем, на берег перевезем. Есть уже покупатели.

– Слышал, две штуки хочет взять Пен Галат, – откликнулся я. – Орки из Капища тоже просили. А еще кто?

– Возьмет полдесяток Ван Бер Дерен.

– Что, сам Большой Ван? Это вы крутого покупателя нашли, братцы.

– Нужны срочно деньги тебе, Джанки?

– Ну... – Я пожал плечами. – Не так чтобы очень. А что?

– Появилось дело крупное у нас. Не хватает наличных. Долю свою нам одолжи, продадим самострелы когда.

– Одолжить? Что – все? За самострелы-то мы очень много выручим, сумма большая...

Агати достал из кармана пергамент, поверхность которого тускло светилась.

– Проценты под. Дадим тебе бумагу долговую подписав. Возвращаем всегда долги мы, знаешь ты.

Я присел на корточки рядом с ним. Вокруг светового островка, в котором находились лепреконы, я и парусина с самострелами, тихо шелестело озеро клубящихся теней, наполнявших лавку. Размышляя, взглянул на пергамент. Это правда – если лепреконы подпишут долговой документ, собственная же магия не позволит им нарушить слово и не вернуть долг.

– А когда отдадите? – спросил я.

– Денег дашь если – уедем сразу дней на несколько мы. Отдадим, как вернемся только. Не будет нас пока, ты, главное, никуда не встравай. Нет сейчас Протектора в Кадиллицах, но все равно – не высовывайся. Узнает если Микоэль Неклон, самострелы эплейские провезли что... Сматываться быстро придется города из...

Часть первая

Всего лишь грязный эльф

Разговор. «Облако»

1

Из города надо было сматываться, и побыстрее. Раздумывая над этим, я стоял у стены портового склада и разглядывал рынок гномов. Шум здесь стоял, как на главной городской площади перед появлением Протектора, хозяина Кадиллиц. По рынку шествовала небольшая процессия: пятеро гоблинов из охраны Протектора, между ними трое невзрачных мужчин в серых плащах. Лица ничем не примечательные, выделяются только розовые родимые пятна между бровей. Ищейки Микоэля Неклона, первого городского мага, шли, внимательно глядя по сторонам. У Неклона, как и у Протектора, были свои причины искать меня.

Я стоял, постукивая костяшками пальцев по стене. Ищейки и гоблины-охранники, вооруженные небольшими и очень дорогими самострелами эплейского производства, вскоре скрылись из виду. Искали они меня или просто шли куда-то

по своим делам, я не знал. Но беспокойство не отпускало. Я пошел в обход базара и тут же наткнулся на эплейца, «каменного человека» – здорового, как и все они, темнокожего и с тупоумным лицом. Он что-то проворчал, но я не ответил, думая о своем.

Они будут следить. Я хорошо знаю город, но бесконечно прятаться невозможно. Или сам ошибусь где-нибудь и попадусь, или заложит кто. Врагов-то хватает.

Длительное путешествие – вот что сейчас необходимо. По морю, вокруг корсарского Архипелага, до континента Полу-месяца... Но нужны наличные. Если б знать, что у дела с лепреконами Грецки будут такие последствия! Мы неплохо заработали, моей доли хватило бы, чтоб убраться из Кадиллиц и зажить в свое удовольствие. Но я-то полагал, что все на том и закончится – и одолжил большую часть своих денег лепреконам. Я получил от них долговое обязательство, все как положено, и знал, что Грецки вернут долг с процентами. Но как раз сейчас они уехали куда-то за товаром, для покупки которого и одолжили эти деньги.

Мы нарушили привилегию, самострелы после нашей аферы стали для многих легкодоступны. И каким-то образом хозяин Кадиллиц узнал об этом. Кто-то из тех, кто купил оружие, заложил нас – если бы знать кто...

Протектора пока нет в городе, а власти колдуна Микоэля Неклона не хватало на то, чтобы организовать большую об-лаву. Он мог только приказать своим ищейкам не упускать

меня из виду. Но когда хозяин вернется... Перекрыть все ворота, поставить усиленную стражу в порту – и конец Джанки Дэви.

– Джанки!

Я обернулся.

* * *

Мамаша Лапута – троллиха. Наверное, самая богатая в городе: бордель «Облако» приносит ей хороший доход.

– Привет, Джа. – Она ухмыльнулась. – Не протолкнуться от гномов, а?

– Так ведь Большой Прилив скоро.

Послезавтра в Кадиллицах должен состояться главный гномий праздник, сюда уже начали съезжаться недомерки из окрестных поселений. Вся городская община и множество гостей собирались праздновать День Прилива. По их преданию, ровно пятьсот лет назад первые гномы высадились на континенте, и уже сейчас гномий анклав Кадиллиц был переполнен, да и в портовых трактирах почти не осталось свободных комнат.

– Куда топаешь?

Внешность у мамыши удачная. Вся она в пупырышках, на зеленом лице выделяются круглые и большие, как блюдца, глаза. В улыбке видны желтые клыки. Обычно Лапута носит кожаный комбинезон и фуфайку с закатанными до локтей

рукавами. Завитые волосы крупными колечками торчат во все стороны. Привлекательная, короче, внешность.

– Да так, – ответил я, – гуляю просто. А что?

Лапуга настороженно глянула по сторонам. Портовый район, вечер, народу вокруг почти нет, только пьяные голоса и звон доносятся из ближайшего трактира. Но она все равно придвинулась поближе и постаралась умирить голос, который у нее от природы гулкий, даже какой-то грохочущий.

– Тебя ж сейчас из-за этих самострелов ищут, Джа? А то тут один... клиент имеется. Перетолковать с тобой хочет.

– Именно со мной? А в чем дело?

– Ну, не конкретно с тобой, а просто ему нужен кто-то соображающий. Я ему тебя и посоветовала. В чем дело – пусть он сам тебе скажет. Мне чего лезть? Так что, будешь с ним говорить?

Я подумал и решил, что буду. Неизвестно еще, что там за дело, но вдруг появится возможность убраться из города?

Я сказал об этом мамаше, и она провела меня на второй этаж своего «Облака», в комнату, где нас поджидал...

Вежливо улыбнувшись, я кивнул ему, развернулся в дверях и подтолкнул Лапугу обратно.

– Мамаша, – прошипел я ей на ухо в коридоре. – Ты чё, родная? <I>Это</K> – твой клиент?

– Ага, – кивнула она. – Ничего себе паренек, а?

– «Ничего себе»? Да это ж эльф какой-то! На хрена мне с эльфом толковать-то?

– Удивляюсь я на тебя, Джа. Ты когда расистом заделался?

Я глубоко вдохнул и медленно выдохнул:

– Всегда таким был. Мамаша, да ты же знаешь, кто я!

Много лет меня знаешь. Дела с ними вести... Они ж... они...

– Чего они? – спросила троллиха.

– Ненадежные.

Она прищурилась.

– Все?

– Ну... почти все.

– Значит таки не все? Сдается мне, по крайней мере один эльф из тех, с которыми ты хорошо знаком, надежный, э?

Слушай, тебе деньги вообще-то нужны? Срочно? Ты поговори с ним просто. Может, он чего любопытного предложит. А нет – так отвалишь, и все дела. У этого хмыря монеты есть.

Солидный он для эльфа. Ты посмотри, как он одет. Не всякий эльф может нацепить на себя...

– Да не хочу я на него смотреть! – перебил я, но тут меня в свою очередь перебил этот эльф.

– Джанки Дэви! – донеслось из комнаты. – Так вы войдете?

Лапута ухмыльнулась мне в лицо, положила могучие длани на мои плечи, развернула и подтолкнула в комнату. Я сделал шаг, и дверь за спиной закрылась.

Одет он и вправду был неплохо для эльфа. Дорогой кафтан с меховой оторочкой, ярко-синие шаровары с лампасами... Может, это какой-то эльфийский старшина или даже князь? Нет, вряд ли настоящий князь придет сюда, в портовый бордель. Под кафтаном виднелась золотая цепочка с медальоном. В руках у эльфа был сложенный веер. Никогда раньше я не видел эльфов с веерами. Длинный, тяжелый, наверное, с красивым узором...

– Вы садитесь, – предложил он. На столе стояла бутылка с двумя стаканами, и эльф наполнил их. – Эта троллиха сказала, что человек вы надежный и умелый. Мне как раз такой и нужен. Меня зовут Атлас Макинтош. Рад знакомству.

Я не сдержался и брякнул, усаживаясь:

– А я не очень.

Эльф умолк, шевеля бровями. Лицо у него было чересчур подвижное – сначала брови зашевелились, потом нахмурился лоб, дернулась левая щека, и тонкие бледные губы скривились. Закрытый веер, пощелкивая, медленно закачался из стороны в сторону.

Эльф-пустынник, с некоторым удивлением понял я, разглядев его глаза с желтыми зрачками. Пустынники – малочисленное племя, в отличие от диких горных бродяг и равнинных эльфов. Те путешествовали таборами, а пустынно-

ков редко кто видел. Теперь они совсем исчезли, я слышал даже, что окончательно вымерли. Выходит – не окончательно.

– Ну да... – сказал он и захихикал. Веер перестал качаться. – То есть я хотел спросить, вы занятой человек, Джанки?

Я сморщился и отставил стакан.

– Ага. Очень. Вот как раз сейчас сильно спешу. Спасибо за выпивку, Макинтош. Дела, дела... – Я неопределенно помахал рукой и начал вставать. Он моргнул и вдруг положил ладонь мне на плечо.

– Нет, вы все-таки выслушайте. Я не буду темнить, сразу расскажу, что к чему. Тут очень крупное дело, Джанки. У вас ведь есть метка?.. – Атлас Макинтош кивнул на мое правое запястье. – Одному не справиться, я ведь никого в этом городе не знаю...

Несколько секунд я раздумывал, затем покосился на его руку – он тут же убрал ее – и нехотя сел.

– Ну, давай. – буркнул я. – Вываливай все, не жалея меня. Только быстро, ладно?

Он выпил, откинулся на стуле и заговорил:

– Нас осталось всего пятеро, когда мы нашли это место. Лето выдалось особенно жарким, помните позапрошлогоднюю засуху? Мы уже почти достигли того края пустыни Хич, что неподалеку от вашего города, когда наткнулись на гномов. Гномы в пустыне, представляете? Но вначале мы увидели стены, довольно высокие, а потом выяснилось, что в пес-

ке скрыты ловушки. Магические. С одним из наших такая ловушка сделала нечто... нечто страшное. Не хочу вспоминать, мне это до сих пор снится...

– Сломала шею? – предположил я. – Нет? А, наверное, обварила.

Веер дернулся.

– Его кожа слезла полосами! Там стоял явственный дух магии. Защитная магия окружала постройку, очень плотная. Один из наших имел метку и мог проникать в Патину, но он ничего не успел. В стене открылся проход, оттуда выскочили гномы, хорошо вооруженный отряд, и мы стали убежать.

Почему-то я смотрел не на его лицо, а на сложенный веер. Тот будто слушал хозяина и по-своему отвечал – покачивался сильнее, когда эльф повышал голос, и замирал, когда он успокаивался.

– ...Отрядом командовал один – очень крупный для гнома, почти великан, с черной повязкой на глазу и шрамами на лбу. Он...

– Э! – перебил я. – Еще раз. Одноглазый гном-великан? А это не... – Я замолчал, удивляясь догадке, неожиданно пришедшей в голову. – Но он же погиб вроде... Ладно, продолжайте.

– Спасся только я, да и то потому, что наступила ночь. Всех остальных они убили. Последних из моего племени, понимаете? Теперь я остался один. И я не мог так этого бросить. В том здании... базе... там было что-то охраняемое хо-

рошо вооруженными гномами. А еще ловушки, частью – магические, частью – материальные. Но что именно они охраняли? Я занимался этим больше года. Я... я успел разбогатеть за это время, заработал на... определенных торговых операциях. Морских.

Однажды я встретил матроса-орка, он рассказал, что служил на корабле. Этот корабль как-то выполнял рейс по заказу высокого одноглазого гнома со шрамом на лбу. Вместе с гномом плыли два колдуна-охранника, они везли какую-то шкатулку и очень ее берегли. Они высадились на берег где-то в этом районе и, по словам орка, отправились в сторону пустыни. Были и другие сведения. Какие-то я узнавал случайно, другие покупал. Вы знаете, что не так давно убили Рамзу Полукота? Его сжег в поединке какой-то аскетский шаман, но дело не в том. Рамза – он взломщик, пират и маг, специалист по штурмовым заклинаниям. Он их частично сам создавал, частично пиратски снимал с чужих точек в Патине. Из его дома в ночь после убийства, до того, как там успели появиться городские стражники, пропали все заклинания, созданные и украденные Рамзой за последний год. Одиночные заклинания, понимаете? Он никогда не пытался распространить их через Патину. Наоборот, скрывал от других.

Я нанял колдуна. Довольно неумелого, но он имел доступ в Патину. Он переворошил для меня кучу слухов, разузнал кое-что. Что вызывало особое удивление? Гномы никогда не живут в пустынях, правильно? И откуда взялось хорошо

охраняемое здание? В общем, в конце концов я понял, что к чему. Там, в Хиче, находится тайная база гномов, куда они собирают со всего континента новые боевые заклинания. Наступательная магия стоит дорого, не так ли? Конечно, то, что добывают, размножают и перепродают пираты, дешевле, но оно и хуже работает. При копировании часто что-то нарушается... Но дело в том, что на этой базе – совершенно новые образчики высокой магии. Их еще никто не успел скопировать, они не попались на глаза взломщикам. Представляете, сколько это стоит?..

Атлас Макинтош смотрел на меня, глаза его блеснули. Я сидел и почесывал крупное родимое пятно на правом запястье. Свою метку для входа в Патину.

– И долго вы этим занимались?

– О да! Потратил очень много средств и времени. Но все должно окупиться. По моим подсчетам, цена накопленных на базе заклинаний приближается к... Я не знаю точную сумму, но это больше десяти тысяч.

Я откинулся на стуле. Бутылка уже опустела, но я к вину не прикасался – все выпил Атлас Макинтош.

– Одно мне неясно. Для чего гномам такое количество заклинаний?

– Их корабли плавают далеко. Пираты Архипелага грабят их, гномы теряют...

– Не путайте, Макинтош, – перебил я. – И меня не сбивайте. Пираты бывают в Патине. На Архипелаге живут кор-

сары-полузвери.

– Да-да. Из-за корсаров гномы теряют около четверти общей выручки. При их масштабах торговли, представляете, какая набегает сумма? Вы слышали о недавнем повышении цен на корабельную древесину? Гномы скупают ее и в заводях южного побережья строят целую армаду. Им в этом помогает Первое Судходство, они вместе собираются штурмовать Архипелаг, чтобы выместить оттуда всех полузверей. Заклинания нужны им для этого, для осады Архипелага.

Я внимательно глянул на Атласа. Он в своем уме? Сведениями подобного рода не разбрасываются. Тут уже большая политика, за подобные знания можно распрощаться с жизнью очень быстро. А он рассказывает чуть ли не первому встречному... С его лица мой взгляд опустился на круглый золотой медальон. Там был герб: вершина горы и две перекрещенных стрелы.

Заметив мой взгляд, Атлас запахнул кафтан и сказал:

– Вы примерно представляете себе структуру боевых заклинаний? Они, как и те ловушки вокруг базы, одновременно имеют материальную и магическую части. Материальным носителем, на котором закреплена магическая формула, может быть... ну, кусочек косточки. Зуб, ножка торфяной жабы, коготь орла, перо, чешуйка болотного василиска. В общем, много чего. Магическая часть – это тонкий сгусток, несущий в себе структуру заклинания. То есть даже множество заклинаний может поместиться, скажем... в мешок. Те-

перь ловушки. Часть их можно обнаружить в песке, часть видна только через Патину. В Патине ведь наверняка есть магический аналог базы. Я выражаюсь понятным вам языком? Дело в том, что когда я изучал все это, то узнал много всяких подробностей...

– Да все ясно, – перебил я. – Аналоги, элементали, эссенции – все это мне известно. Между прочим, я из рода баронов Дэви. Не слышали о таком? Потому что я единственный представитель рода, к тому же – бедный представитель. Но в детстве я получил хорошее образование. Продолжайте.

– То есть мы должны осуществить нападение одновременно на магическом и, так сказать, материальном уровнях. Насколько я знаю, там три периметра охраны. Внешний – стена и ловушки. Внутренний – очень плотная «метель» вокруг того места, где находятся заклинания. И есть еще одна защитная структура, она в подвале. Что расположено там, я не знаю. Нужны бойцы – по моим подсчетам, до десятка. И нужен пират. Вы... ну, как бы удачно совмещаете в себе способности магического взломщика и возможность найти здесь, в Кадиллицах, этих бойцов.

– Сколько вы платите? – спросил я, думая о том, как он интересно выражается. «Осуществить нападение», надо же... Нет, чтобы просто «напасть». Образованный эльф мне попался...

– С бойцами я рассчитаюсь золотом. Заклинания мы поделим пополам. По-моему, это более чем щедро с моей сто-

роны, если учесть, какую огромную подготовительную работу я проделал.

Я усмехнулся:

– И что мне делать с такой грудой боевых заклинаний? Взрывать Кадиллицы?

Веер сильно дернулся. Эльф уставился на меня – словно принял последние слова за чистую монету. Глаза широко раскрылись... Света в комнате было мало, и только сейчас я смог толком рассмотреть эти глаза. Желтые зрачки по краям усеивали рубиновые пятнышки.

Он несколько раз моргнул и опустил голову – рубиновые пятнышки исчезли. Макинтош вообще часто моргал, как я заметил.

– Вы... – Эльф облизнулся. – Что, в самом деле хотите?..

– В том-то и дело, что не хочу. И поэтому на кой ляд мне столько дорогостоящих заклинаний? Я их не коллекционирую. Предпочитаю наличные.

Я замолчал, потому что теперь был его ход. Кому он собирается сбывать добычу? Но Атлас Макинтош ничего не ответил.

– У меня, конечно, есть свой постоянный перекупщик, – наконец произнес я, уяснив, что намеки до него не доходят. – Но он не занимается именно боевой магией. Потеряем с ним треть цены.

Он опять облизнулся:

– Ах, это... Ну, думаю, мне хватит и того, что останется.

Я согласен, пусть будет ваш перекупщик.

Я чуть не поперхнулся, когда услышал. Он согласен, надо же! Если кто-то столько времени тратит на подготовку, он просто обязан найти, через кого сбыть весь хабар за настоящую цену. А этот Макинтош, поди ж ты, согласен работать с первым попавшимся скупщиком. Любопытный тип.

Все это нужно было обдумать, и я медленно поднял стакан. Кислятина. Вообще не люблю вино. Работать с таким странным компаньоном... Он, кажется, проделал нехилую подготовку, раздобыл кучу сведений – и в то же время не позаботился об очевидном.

– Нужно какое-то время. День-два. Но сперва хотя бы день, чтобы нанять бойцов. В любом случае...

Он всплеснул руками и дернулся на стуле. Веер затрясся.

– Нет! Джанки, о чем вы? Нам надо выступить завтра утром!

– Вы что? – удивился я. – Кто ж так готовится к серьезному делу? Как я, по-вашему, все это организую за одну ночь? Да и с чего вдруг такая спешка?

Он опять заморгал – это уже начало меня раздражать – и потер переносицу. Потом развел руками и кивнул, словно объясняя что-то самому себе:

– Все дело в том, о чем я узнал только сегодня утром. Флот гномов и Первого Судходства, те корабли, которые они собираются оснастить заклинаниями, отплывают очень скоро. Я получил неопровержимые доказательства. После-

завтра под утро на базу прибудет отряд. Он доставит туда несколько новых заклинаний. Вот смотрите... – Он достал из кармана золотой эльфийский хронометр. Именно эльфийский, с одной стрелкой, описывающей полный оборот за двое суток. На циферблате между двумя цифрами – выведенный красным цветом жирный крест. Наверное, Макинтош снял хрустальный колпачок, защищающий циферблат, поставил крест, а потом вернул колпачок на место.

– Я сумел выяснить точное время, когда отряд прибудет на базу и там откроют проход. Нам надо попасть туда немного раньше, то есть перед тем, как стрелка достигнет крестика. От этого города идти к базе день и еще полночи. Нам бы выступить уже сейчас, но нужны бойцы... Значит, завтра утром, а потом затея потеряет смысл.

– Много там гномов?

– К сожалению, этого я не знаю.

Я покачал головой.

– Нет, так дела не делаются. Вы в своем уме, Макинтош? Ну ладно – бойцы. Возможно, я и успею нанять их. Но чтобы разобраться с ловушками, мне нужно хорошо подготовиться. Я знаю одно место, где смогу достать все необходимое... – Я сказал это и задумался. Место находилось недалеко, как раз на пути к гномьей базе, нам бы даже не пришлось делать крюк...

– Я понимаю, как это все для вас неожиданно. Плохо готовиться в спешке, но именно поэтому я и плачу вам так много.

Вот именно – много. Он очень много согласен заплатить мне. С чего бы это? Трудно было решиться на что-нибудь, и жадность боролась с недоверчивостью. Какая-то несолидность, которую я подспудно ощущал в этом, казалось бы, очень серьезном предложении...

– Джанки Дэви, так вы согласны?

Я еще раз внимательно глянул на его лицо. Все-таки не нравилось оно мне, и не потому, что это было лицо эльфа. Оно внушало непонятную тревогу. И глаза... Теперь, присмотревшись, я хорошо разглядел рубиновые искорки, усеивающие зрачки по краям. Искорки то чуть вспыхивали, то гасли.

Эльф опять заморгал, потом вздохнул. Я тоже вздохнул. Было отчего. С одной стороны, несчастный эльфишка, толком не решивший простой вопрос с перекупщиком. С другой – целый арсенал боевых заклинаний, причем не чей-то, а гномий. А недомерки очень расчетливы. Если уж прижми-стые гномы потратились на оборудование настоящей базы, да еще в пустыне... Это какой же там арсенал?

– Любите вино, Атлас? – спросил я, поднимаясь. – Я – нет. Предпочитаю пиво. Вы здесь и остановились?

Макинтош закивал:

– Да, конечно, я понимаю. Вам надо все обдумать? Я подожду.

Внизу, в большом зале «Облака», клиенты еще не появились – слишком рано. Мамаша Лапута что-то выговарива-

ла прислужнице-эльфийке, тощей востроносой особе с длинными невымытыми волосами.

– Опять сдачу зажилила, – пожаловалась троллиха, когда я подошел.

Эльфийка прошмыгнула мимо нас и тут же куда-то исчезла. Я спросил:

– Мамаша, у тебя ведь отдельные кабинеты пока свободны? Мне нужно уединиться ненадолго. Так, чтоб никто не мешал.

– Для чего уединиться? – Она ухмыльнулась, и я скривил рожу. – Ладно-ладно, понимаю. – Лапута кивнула и указала на обитую розовым бархатом дверь. Таких дверей здесь насчитывалось с десятков.

– Ага, понял.

– А хмырь? – добавила она, показывая глазами вверх.

– Отдыхает пока. Я ему еще ответа не дал, надо подумать.

– Ну так иди и думай, Джа. Там тебя никто не побеспокоит.

Я прошел и запер дверь за собой.

«Кабинет для отдохновения» – вот как это называлось. В основном, отдохновению способствовала, ясное дело, кровать, которая и была главным предметом мебелировки. Просторная, с резными столбиками по углам. На шее у меня висел шнурок с маленьким стеклянным ключиком, а в кармане лежала небольшая легкая шкатулка из голубоватого топлёного камня. Я встал на колени и заглянул под кровать. До-

стал шкатулку и спрятал ее в углу, возле ножки. Потом улегся на кровать, закатал рукав, приложил большой палец левой руки к крупному родимому пятну на запястье правой и закрыл глаза.

Поначалу всегда очень ясно ощущаешь себя, свое положение в пространстве и времени. Я слышал звуки, что доносились из-за двери, ощущал мягкую перину под собой и запахи...

Которые усилились.

Они стали почти осязаемыми, во всяком случае зримыми. Запахи – разноцветные лепестки, которые кружатся в темноте под закрытыми веками. Вот оранжево-розовые духи девиц из «Облака» – словно медленная стайка ленивых бабочек. Троллиха – будто плотный клуб зеленого дыма; коричневая пенка и пузырьки – то, что проникало сюда из кухни борделя...

Запахи кружились и постепенно удалялись, исчезая вместе со звуками.

Потом я перестал видеть их. Звуки смолкли, в наступившей тишине растворилось все остальное – перина, кабинет для отдохновения, бордель, портовая улица Кадиллиц, город, река, море, мир...

Точка.

Она уже была здесь раньше, но только сейчас стала заметна.

И она не единственная. Много точек, но остальные пока

не видны...

И завиток холодного огня. Он тонкой лозой протянулся от точки, сначала медленно, но с каждым мгновением все быстрее и быстрее, истончаясь и разветвляясь на ходу...

Шелест.

Тихий шепот и потрескивание.

Завитки света, словно паутина петлистых трещин на темной поверхности, устремились во все стороны, высвечивая по пути точки-входы...

Серо-зеленая вспышка озарила темноту, все вокруг тускло замерцало, и я проник в Патину.

2

Там, где в реальном пространстве располагалось «Облако», не было почти ничего магического. Поэтому и Патина довольно разреженная – подвижные силуэты элементарей, какие-то неопределенные сгустки, светящаяся пелена эссенции... Желая осмотреться, я сразу же поднялся повыше и завис над бесконечной плоскостью из соединенных завитками огня зеленых точек. Между отдельными точками пробежали светящиеся пузырьки частных разговоров, а от некоторых вниз, к общей плоскости, тянулись дрожащие нити. Дальние их концы терялись в аморфной области, нейтральной территории, где располагались сведения, предназначенные для всех желающих.

Но я был один – висел выше основной плоскости, в стороне от других, не соединенный ни с кем, в мертвой тишине над-уровня.

Я посмотрел вверх, но тут же отвел взгляд. Бездна надо мной могла свести с ума, и я стал спускаться, осторожно, стараясь не потревожить ни один из завитков света и не вляпаться случайно в чью-нибудь частную беседу. У аморфного пространства обозначились границы. Сквозь тени и полотно эссенции начал проступать континент, очертания береговых линий, внутренние моря Архипелага, леса, озера и города. словно карта-барельеф, покрытая мелкозернистым серо-зеленым налетом Патины.

Отдельные области были очерчены тонкими коричневыми линиями. Вот Абрикосовый Рассвет узким клином пересекает Безоблачность и Малый Двухзуб, вот вытянутое пятно Аделябры Кресс, вот Игна, Жемчужная Голова и Лошадиный пояс...

Колониальное Единство я нашел сразу.

Мертвую тишину сменили звуки. Неразборчивый шепот, потрескивание статической магии, беспорядочные шорохи... Тени обволокли меня, шум усилился, и Колониальное Единство распростерлось вокруг во всей своей блеклой красе.

Я опустился ближе к Кадиллицкому ному и осмотрел его с высоты. Весь он состоял из отдельных расплывчатых овалов, и, увидев Поиск-Пятно, я устремился к нему. Остальное

исчезло из вида, а Поиск-Пятно разрослось и заняло все поле зрения, обнаружив внутри себя множество точек. Выбрав юго-западную, я опустился к ней, и все повторилось: овал постепенно стал необъятным и пропал, а точка юго-запада увеличилась, и открылось, что внутри ее тоже есть много чего интересного...

...Плита и вправду была интересной. Хотя я и видел ее уже множество раз.

В тех местах, где Платину наполняли тонкие копии предметов из реала, она схожа с обычным пространством. Копии назывались аналогами. Имелись и искусственные аналоги, не копии, которые можно было создать из элементарной эссенции. Их долговечность и насыщенность зависели от магических способностей и умений автора.

Плита из пронизанного красноватыми прожилками мрамора – искусственный аналог. Ее сделали наемные маги, и в реале такой не существовало. Надписи и окошки покрывали плиту, я увидел:

Новости Колониального Единства,

Слухи от Карла Душегубца (ежедневно)

ТАРИФНАЯ СЕТКА ПЕРВОГО СУДОХОДСТВА

Пустынная Весть, погода:
ожидается небывалая буря, которая может достичь
Кадиллиц

Новый Декамерон
(наконец-то открыт бордель на набережной)

Меня сейчас интересовало только узкое горизонтальное окошко в средней части плиты. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что границы у иллюзии все же есть. Казавшаяся на некотором расстоянии гладкой, вблизи мраморная поверхность становилась зернистой, состоящей из отдельных овалов-ячеек. Насколько я понимал, в каждую из таких ячеек при определенной сноровке можно погрузиться точно так же, как я до того погрузился сначала в область Единства, потом в ном Кадиллиц, затем в Поиск-Пятно точку юго-запада – и найти внутри неизведанные, таинственные

просторы. С другой стороны, если бы у кого-то хватило смелости подняться достаточно высоко в над-уровень, вся наша Пати́на оттуда, наверное, тоже смотрелась бы как ячейка, одна из множества... Я слышал рассуждения о том, что во всех направлениях Пати́на бесконечна. Впрочем, путешествия <I>вверх</K> и <I>вниз</K> требуют огромной энергии, и решиться на такое могут лишь очень крутые маги.

Я поднял руку и медленно провел ладонью по узкому горизонтальному окошку. Под моей кистью возникла надпись:

ЭЛЬФЫ-ПУСТЫННИКИ

Стена мигнула – очень быстро, но все же иллюзия монолитности и вещественности мрамора на мгновение нарушилась.

... **эльфы**...

... **пустынные** скитальцы...

... **пустыни** Лагадент / Беркларий / Хич / Газнарет / Черчвуд...

... Лапрек Дизраэли выступил на третьем конклаве троллей с заявлением: «Хороший **эльф** – мертвый **эльф**». Свою речь он начал словами: «Если ты увидел **эльфа** – убей его». («**Пустынная Весть**»)

... самое древнее поселение **пустынных эльфов** нахо-

дилось...

Зафиксировав сообщения, я вновь провел ладонью, сужая поиск.

ЭЛЬФЫ-ПУСТЫННИКИ // ПОСЛЕДНИЙ

... **последнее** поселение эльфов в пустыне Черчвуд...

... эта награда станет для **эльфапоследней**, хотя Совет все еще сомневается, что **пустыня** отступает...

...дохнула смрадом глубина земная, **пустыня** скорби дрогнула кругом, **последним** светом чувства затмевая, и **эльф** упал, как тот, кто объят сном...

... последствия этой болезни необратимы. Цвет их у **пустынников** означает **последнюю** стадию тритона...

... в **пустыне**, в горнице высокой **последний** раз он пировал. Меньшую дочь он выдавал за **эльфа** храброго Жасмина...

Я смотрел внимательно, соображая, может ли что-то из этого пригодиться. Среди вороха бессмысленностей или просто непонятных мне сведений нашлось что-то более-менее подходящее – я ткнул в него пальцем, и мрамор мигнул.

... Мэтр Лапрек Дизраэли, философ и автор знаменитой

монографии «Сверхтроль», сказал нам, что полное исчезновение так называемых эльфов-пустынников вселяет в его сердце надежду. По словам Мэтра, насколько он знает, к сегодняшнему дню остался всего один последний эльф-пустынник. Этот преступник, мерзавец и отщепенец («как и все они» – как бы про себя задумчиво добавил МЛД) стал известен благодаря дерзкой акции, которую совершил, будучи суперкарго на кораблях Первого Торгового Судоходства. Сейчас он усиленно разыскивается службой безопасности Судоходства, однако пока что безуспешно...

Дальше Мэтр перешел от конкретной фигуры последнего эльфа-пустынника, мерзавца и отщепенца, к расе эльфов вообще – мерзавцев и отщепенцев. Я бросил читать и покинул это место с ощущением, что пропустил, кажется, что-то важное.

Тем не менее не было никакой возможности оставаться там и дальше, выясняя, в чем дело, – за мной следили.

Почувяв слежку, я рванул в сторону темного скопления одинаковых скал конусовидной формы и очень быстро добрался до них. Здесь, в Торговом Лабиринте, я знал каждый закоулок. Три призрака в серых плащах и скрывающих лица капюшонах отстали. Вообще, убогий у них прикид. Рассчитан на неоперившегося юнца, впервые попавшего сюда, заранее напуганного рассказами о призраках Патины. Микоэль Неклон, колдун Протектора, мог бы сделать аналоги своих

ищеек и более презентабельными.

Я метнулся в сторону, запетлял между скал, увидел на поверхности одной почти незаметные контуры и нырнул к нему.

Поверхность расступилась, приглушенно чавкнула и пошла рябью: Келья, каменные стены и полки, на полу соломенная подстилка, на ней вытянулся кто-то изможденный, в набедренной повязке...

– Большак! – произнес я. – Дело есть. И я спешу.

Хозяин вскочил, пялясь на меня. Я повторил:

– Спешу. Переброшь меня в Хич, к тому краю, где стоит Оазис Малика.

– Но Оазис же сам по себе, – удивился Большак. – Через Патину в него не попасть.

Замолчав, он оглянулся. Фигура чуть расплылась, и, когда он стал поворачиваться, за телом потянулись контуры. Один, второй, третий и каждый следующий более мутный. В Келье раздался приглушенный низкий звук. Одновременно со мной к Большаку наведалься другой посетитель. Я его, конечно, не видел, но хозяину теперь приходилось беседовать с двумя клиентами, а при его возможностях это чересчур. Я с досадой замолчал, ожидая, когда он сосредоточится.

– Та-ак что те-ебе? – произнес он тягучим голосом.

– Пустыня, – напомнил я. – Быстро отправь меня туда. Используй жгут.

Аналог Большака был не слишком хорош, потому что сам

Большак никогда не отличался особыми магическими талантами. Все же какое-то подобие человеческого лица ему подерживать удавалось, и теперь на нем возникло удивление.

– А что те-ебе надо в Хиче?

– Твое какое дело? Отправь меня туда ненадолго, и все. Обычный жгут вполне подойдет.

– Не-ет, не подойдет... – Он теперь почти застыл. На беседу с тем, другим посетителем, уходило много сил. Вообще, Келья была исключительно аналоговой лавкой – в реале какой-нибудь комнаты с товарами, где сидел бы натуральный Большак, не существовало. Особой популярностью Келья не пользовалась, и подобное совпадение, два клиента одновременно, случалось редко.

– Почему не подойдет?

– Если у тебя есть причина отправиться именно туда, значит, должен знать, что там происходит.

– Я не знаю. Расскажи.

Низкий надрывный звук прекратился, аналог дернулся и налился красками. Черты лица стали более четкими, возникли мелочи, раньше неразличимые, – морщины у глаз, торчащие из ноздрей рыжеватые волосы.

Более высоким и четким голосом он пояснил:

– Там же Лезия Олни. Вообще, уже с год непонятно, что там делается. Туда попасть стало трудно, поэтому я и говорю, что обычный жгут не подойдет.

– Ты что? Лезия? В пустыне? Что-то не верится. В самом

деле, Большак?

– Ну да. Весь тот район заболел. Сбесился. На моей памяти уже двое пиратов не вернулись оттуда. Может, там...

– Ладно, понял, – перебил я, наконец сообразив, в чем тут дело. – Используй какой хочешь жгут, но забрось меня сейчас в центр этих новых Лезий. И еще дай змею.

– Змея стоит дорого!

– Неужели? Даже самая обычная, неядовитая?

Он собрался возразить, но передумал. Большак был моим должником.

– Потом рассчитаемся, – заверил я.

Аналог замер и расплылся – силы Большака стали уходить на то, чтобы снабдить меня змеей и приторочить жгут. Стены подернулись рябью, сквозь них я различил темные конусы других лавок Лабиринта... и троицу в серых плащах, маячившую чуть в отдалении.

– Дернешь три раза, она и сработает, – сказал аналог. Я ощутил внезапное и сильное давление.

Стены Кельи унеслись вниз, мелькнули скалы-конусы, три призрака, задравшие головы и глядевшие мне вслед... Торговый Лабиринт исчез, Поиск-Пятно сначала стало овальным озером, из которого я стремительно всплыл, потом лужей, потом крошечным кружком, точкой на поверхности Кадиллицкого нома – а тот тоже превратился в точку на Колониальном Единстве, затем и оно стало точкой...

Тонкая, словно волос, нить, светящаяся бледно-синим,

тянулась за мной, исчезая внутри невидимой теперь крапинки Колониального Единства, внутри которого был ном Кадиллиц, внутри которого было Поиск-Пятно, внутри которого находились Торговый Лабиринт, Келья, аналог Большака и три призрака-ищейки.

Какая-то новая модель жгута. Обычно они толще, грубее и светятся ярко, с ядовитым оттенком. Цвет этого был более нежным, трепетным.

Перспектива исказилась, и горизонт сломался – мы пересекли границу заболевшей области, Лезий Олни. Вокруг полыхнуло, Патина свернулась спиралью. Я понесся вниз, овалы стали разрастаться один за другим, каждый следующий – внутри предыдущего. Преодолевая сопротивление, жгут налился ярким светом. Я это ощущал так, словно глубоко нырнул. Давление со всех сторон, тяжесть, звон... Что-то напряглось и с громким треском лопнуло. В коричневых небесах расступились черные тучи; подталкиваемый жгутом, я прорвался сквозь них в зараженные Лезия.

* * *

Очень мрачно. Небо черное, а земля темно-коричневая, ее пересекают широкие трещины, из них выплескиваются всполохи багрянца. Это единственный источник света, озаряющего массивную темную Башню. Форма ее мне что-то напомнила, но я не смог сообразить, что именно.

Жгут извивался позади и исчезал среди туч. Я опустился ниже, оглядываясь. Да, что-то тут явно не в порядке. Обычно подобную картину в Патине, всегда сумрачной и уныло-однообразной, можно наблюдать разве что в районе вулкана с очень сильным выбросом магической лавы. А еще искаженные области могут остаться на том месте, где насмерть сцепились два сильно крутых мага-пирата. Но в реале здесь – обычная пустыня, песок, кактусы и ящерицы. Конечно, еще Оазис Малика, в нем магии столько, что хватит на целый континент, но в том-то и дело, что Оазис блокирован. В него и из него через Патину не пробраться, нет вообще никакой связи. Весь смысл Оазиса в этом, Малик долго добивался такой автономии, отрезая все концы.

Нет, Оазис не мог стать причиной заражения. Я был уверен, что виновница – очень сильная фоновая магия, излучаемая скопившимися здесь боевыми заклинаниями.

Я даже видел ее следы. Почти прозрачная, легкая пелена эссенции красноватой дымкой сочилась сквозь стены Башни. Здание казалось выплавленным из единой массы, не было ни щелей, ни отдельных блоков. Широкий цилиндр словно вырастал из иссеченной трещинами земли и в полыхающем багровом свете смотрелся довольно зловеще. Все-таки где же я раньше видел нечто подобное?

Над высохшей, будто покрытой коричневой коркой твердью плясали темно-красные всполохи. Я приблизился к аналогу гномьей базы сверху, очень осторожно, потому что ко-

гда расстояние уменьшилось, проступили кое-какие подробности.

Вообще-то их довольно трудно заметить, но я ведь знал, на что обращать внимание. Вот, например, это облачко, словно состоящее из массы неподвижных серебристых волосков – «кактус».

В реале из песка и вправду торчит кактус. Снаружи он самый обычный, но сердцевина аккуратно вырезана, и на ее место вставлено кое-что другое. Кто-то, идущий по пустыне, зацепит случайно такой «кактус», иголки вылетят и проткнут со всех сторон. А в Патине подобное произойдет, если ты заденешь облачко. Серебристые волоски превратят аналог в подушку для булавок, тебя вышвырнет в реал либо мертвым, либо ослабленным от почти полной потери жизненной силы. Заклинание охранное и довольно дорогое.

Вокруг Башни я насчитал по меньшей мере пять «кактусов», а еще несколько «шееломок» и «горючих слез». Кроме того, там имелись обычные «сигналки». Это уже не боевое заклинание, а тревожное.

Осторожно обойдя ловушки, я остановился над Башней и запустил змею, которой меня снабдил Большак.

Змея – обычное заклинание, так что я не рассчитывал на многое. Узнать таким способом всю внутреннюю планировку Башни невозможно, но после того, как вниз от меня устремился зигзаг света, кое-что прояснилось. Змея всосалась в аналог и растворилась в нем. По мере того как она, проникая

сквозь магические узлы, распознавала их структуру и взаимосвязь, прорисовался светящийся скелет: спираль широкой винтовой лестницы, на нее нанизаны круги этажей, вертикальные плоскости стен и прямоугольники дверей... И три пояса свечения. Я замер, внимательно разглядывая их. Один пояс почти совпадал с внешней стеной Башни. «Хрустальный склеп» – зернистая структура с вкраплениями малиновых искр. Довольно опасная штука, но второй пояс куда хуже. «Метель». Небольшой в сравнении с первым, он светился на высоте второго этажа, и там малиновых искр было куда больше. Собственно, он целиком состоял из них. Очень плохо. Обычная змея... Да если на то пошло, и необычная, очень мощная ядовитая змея вряд ли справится с этим.

Имелся еще и третий пояс, слабый, какой-то устаревшей системы. Он мерцал далеко внизу, в подвале. По мере того как змея проникала в глубину защиты, пояса светились ярче, и я все лучше мог разобрать их строение. Внутри нижнего двигались какие-то горбатые фигуры, да и по всей высоте Башни теперь можно было различить другие силуэты, поменьше – всего около двух десятков.

Внутри «метели», в сердце Башни, яростно клубились накопленные гномами боевые заклинания.

Бесы Патины! Я отпрянул, когда увидел это. Их было очень много, они хаотично перемещались, сновали из стороны в сторону, словно хищные насекомые. Да сколько же это может стоить? И Атлас Макинтош согласен отдать мне по-

ловину?! Я чуть переместился, окидывая взглядом все Лезия Олни. Отравленный участок переполнен ядом до краев. Все застыло, лишь полыхает багровый свет и медленно движутся облака, похожие на каменные глыбы. В реале – солнце и желтый сухой песок, барханы, юркие ящерицы, зеленые кактусы да синее небо; здесь – багровый сумрак, иссеченная трещинами земля и Башня.

Моя змея мигнула и погасла. Я шарахнулся, зацепил «горючие слезы» и отпрянул в сторону. С шипением клуб раскаленной эссенции из сработавшей ловушки пронесся мимо, навстречу змее – зигзаг света испуганно вылетел из Башни вверх, ко мне. И не успел. Юркие светящиеся силуэты появились из «хрустального склепа», пронеслись сквозь быстро тускнеющие контуры потолков и стен и вылетели через крышу. Стая марлетов мгновенно настигла змею и на ходу растерзала ее. Кипящая эссенция «горючих слез» сбила нескольких, но остальные успели разлететься в стороны, а затем опять сошлись в клин. Я дернулся, разворачиваясь, уже хорошо различая маленькие тела, быстрые тонкие крылья, пучки перьев вместо ног, острые длинные клювы...

Птицы-вестницы, марлеты, специально натасканные на уничтожение непрошенных гостей, издавали в полете пронзительный треск. Их крылья двигались с такой скоростью, что напоминали размытые облачка. Летевший во главе клина затарахтел, разевая клюв, остальные разлетелись вокруг меня и разом напали. Я трижды дернул жгут.

Башня и коричневая земля в багровых потеках провалились вниз. Весь облепленный марлетами, я вломился в облака. Несколько птиц, возбужденно тарахтя, яростно клевали жгут, он отзывался синим всполохом на каждый удар острого клюва. И громко трещал, разрываясь.

Вместе с марлетами меня подняло к над-уровню и резко швырнуло вниз, в объятия Колониального Единства, нома Кадиллиц и Торгового Лабиринта. Жгут лопнул, я упал прямо на ищеек. Взметнулся широкий рукав, лассо опутывающего заклинания почти опустилось на меня, но, сбив на пути пару марлетов, изменило направление и задело плечо другого призрака. Из плеча выстрелил фонтан искр. Шипя, они опалили крылья нескольких марлетов. Остальные, громко затарахтев, отцепились от меня и набросились на призраков.

Птицы-вестники были <I>элементариями</K> – одним из немногочисленных видов постоянных обитателей Патины. Все они питались магией, но большинство предпочитало заброшенные области, где мирно кормилось эссенцией. Хотя попадались и хищники. Этих марлетов специально обучили нападать, и теперь, благодаря мне и жгуту покинув район Лезий, они обрушились на ищеек, благо те были набиты магией под завязку. Если бы жгут еще действовал, меня бы втянуло в Келью, к Большаку, но он разрушился, и я очутился посреди Торгового Лабиринта.

Призракам было не до меня. Они крутились, взмахивая

полами плащей, сбивали марлетов, которые гибли, но не отступали, подстегиваемые голодом. С каждым ударом клюва марлет отщипывал от противника монаду магии. По мере того как силы покидали призраков, их очертания бледнели, и ответные удары становились слабее.

Я попятился. На меня не обращали внимания – во все стороны летели серые ключья, мелькали широкие рукава, по эссенции расходились волны.

Все, довольно, решил я.

* * *

Без стука я толкнул незапертую дверь. Макинтош сидел на кровати, подложив под спину подушки, с бутылкой в руках. Сложенный веер лежал на его коленях. Когда я вошел, эльф поднял голову – глаза блестели, рубиновые искорки вспыхивали в них.

– Что, Джанки? – спросил он.

– Завтра на рассвете возле восточных ворот, – произнес я хмуро, не глядя на эльфа. – Приведу шестерых или семерых, самых лучших, кто есть сейчас в городе. Сколько вы платите каждому?

– Скажем, по пятьдесят золотых? – весело предложил Макинтош. – Какая, в конечном счете, разница?

– По полсотни так по полсотни, – пробурчал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Какая разница, а? Дело, конечно, будет опасным, но – пятьдесят золотых монет! Пусть он и ожидает очень большой прибыли, однако полсотни золотом каждому бойцу... Определенно, кое для кого это будет слишком много.

– Но чтоб эти деньги были у вас с собой. Я должен дать задаток. Еще одно. Вы наняли меня, но их нанимаю я. Они – подо мной, не под вами, понимаете? Распоряжаюсь я, если вы хотите дать какие-то указания, то только через меня. Не можете приказывать им напрямую, это ясно?

– Ну конечно.

– Хорошо. Значит, мы начинаем.

Подготовка. Город

1

Перед большим двухэтажным домом я остановился. Смеркалось, все окна в здании были темными, но не потому, что внутри не горел свет. Его гасили плотные шторы.

Заведение называлось «Неблагой Двор». Хорошее название, если задуматься. Особого блага те, кто были частыми гостями здесь, от этих посещений не получали.

Перед закрытой дверью на табуретке сидел коротышка. Подбородок уперся в грудь – кажется, он спал. Напротив «Двора» стоял пустующий дом. Я осмотрелся – протекторской стражи нигде не видно – и глянул себе под ноги. Между булыжниками мостовой проросла трава. Сорвав травинку, я сунул ее в зубы и принялся жевать, привалившись плечом к стене заброшенного дома и пялясь на кемарившего у входа коротышку. Заходить не хотелось, но, скорее всего, те, кто был мне нужен...

Из-за плотно прикрытых ставен первого этажа донесся шум, и сторож проснулся. Он покрутил головой и уставился на меня, подслеповато щурясь. Выплюнув травинку, я пошел к нему.

На мостовой возле табуретки лежал шар из синего хруста-

ля. Опять раздался шум. Коротышка привстал, когда я подошел ближе, и ослабился.

– Джанки...

– И снова здравствуй, Большак.

В действительности его звали Дитен Графопыл. Он насто-роженно кивнул, не ожидая, кажется, от моего визита ничего путного. Большак никогда не распространялся на эту тему, но у меня имелись смутные подозрения, что он отпрыск гнома и человека. То ли гномицы и мужчины, то ли наоборот... Хотя я даже не знал, возможно ли подобное.

– Ну и как тебе мой жгут?

– Нормально сработал.

– А то в Лабиринте какая-то суета потом поднялась... Что здесь делаешь? Ты ж вроде не играешь...

– Мне кое-кто нужен, – перебил я.

Внутри раздался звон и глухой звук, сопровождаемый криком. Большак поморщился.

– Опять. Кого ищешь, Джа?

– Каменных братцев.

Он сморщился сильнее и плюнул на мостовую.

– Здесь они.

– Ага, – сказал я. – Слышу.

Опять раздался звук удара. Окинув взглядом улицу, я произнес:

– Значит так, новых клиентов пока нет. Впусти меня и постой там внутри на стреме. В случае чего выведешь нас,

лады?

– Ага, Джа. – Большак отставил табуретку под стену, взял хрустальный шар и открыл дверь.

Когда-то я помог ему с одним долгом. Проигравшийся гоблин решил, что дешевле будет не платить Большаку, а нанять двух бродячих равнинных эльфов с острыми ножами, но после моего вмешательства изменил свое мнение. С тех пор мы с Большаком дружим, хотя и не слишком крепко.

Короткий коридор заканчивался еще одной дверью. Обычно под ней стояла пара лакеев-орков, но не сейчас. Большак открыл дверь, я шагнул вперед и, почти ослепленный ярким светом, все же успел пригнуться – обломок стула пролетел над головой.

Большой зал игорного дома «Неблагой Двор» был полон гостей. Основная их часть столпилась под дальней стеной, расчистив место для драки, кипевшей посреди зала. На полу между перевернутыми карточными столами валялись обломки кресел. Красные ливреи лакеев-орков мелькали в гуще тел. Я разглядел гоблина-вышибалу, пару эльфов и одного человека – вытянутыми руками его держал за шиворот и за ремень темнокожий верзила с лысой, морщинистой, словно иссеченной неглубокими трещинами макушкой. Каменный человек. Эплеец.

В его живот головой врезался орк. Верзила швырнул человека через весь зал, схватил орка за шею и стал душить.

По блестящему паркетному полу человек докатился до на-

ших ног. Я наклонился, потрепал его по плечу. Он привстал и снизу вверх глянул на меня.

– Здорово, Тремор, – сказал я.

Один из компаньонов-владельцев «Неблагого Двора» выплюнул зуб, прошепелявил: «А ну, отойди, Дша, щоб я не нервнищал!» – вскочил и, отпихнув меня, бросился в коридор.

– За подмогой побег, – пояснил Большак.

Я окинул зал внимательным взглядом.

Задрапированные дорогой тканью стены, свечи в тяжелых высоких подсвечниках, лакированные игральные столики... Неприметная дверь возле стойки, из-за которой выглядывала пара голов.

Раздался грохот. Из кучи малы вылетел эльф и с лязгом перевернул подсвечник.

– Весельчаки! – сказал я. – Давно тут не был, даже соскучился. Что за подмогу Трем сейчас приведет?

– У нас теперь «крышей» Пен Галат. Они тут неподалеку, так что его ребята быстро заявятся...

– Угу, – кивнул я. – Галат жиреет, смотрю... Вон та дверь, через нее можно выйти?

Большак подтвердил:

– Можно. Но она заперта.

– Ну, так ты ее отопри, дорогой, – предложил я. – Ключи-то у тебя есть?

Он нехотя похлопал себя по пояснице:

– От всех дверей...

– Открой и постой там. Мы сейчас туда выйдем.

Я глубоко вздохнул и быстро пошел к центру зала. Там как раз стало чуть тише – один из эплейцев вооружился длинным подсвечником и, действуя им то как пикой, то как дубинкой, расшвырял большинство нападавших. Я перешагнул через стонущего гоблина и остановился перед четверкой каменных людей. Откуда-то слева выскочил полужверь в разорванном камзоле и широченных синих шароварах, с кривой саблей в руке. Полулис, если быть точным.

Он что-то хрипло прошипел и рванул дорожную шелковую рубаху, обнажив покрытую густой рыжей шерстью грудь. Морда у него была вытянутая и тоже заросла шерстью, глаза желтые и безумные. Корсар с Архипелага, понял я. Еще их называли гоминидами.

Полулис подхватил с пола второй меч и прыгнул, вращая клинки перед собой.

Дакот, старший из оборонявшихся, неторопливо ударил.

Эплейцы редко двигаются быстро. Их не называют выдающимися бойцами – в смысле изощренного владения оружием и умения проводить сложные финты-выпады. Их достоинства заключались в немереной силе, выносливости и почти полном безразличии к боли.

Конец подсвечника отшиб меч и ударил нападавшего в бок. Захрустели ребра.

Я сделал еще один шаг. Эплеец по имени Герон замахнул-

ся своим подсвечником, как дубиной, и тогда я заорал, пригнувшись:

– Эй-эй, стой!

Дакот был самым сообразительным – конечно, по меркам каменных людей. Он успел снизу подбить руку Герона, и подсвечник пронесся над моей макушкой.

– погоди! – рявкнул Дакот. – Это ж Джа, ты не видишь, что ли?

– Это ж я, ты не видишь?! – С перепугу я весь вспотел. Он бы мог снести мне голову, если б попал. – Дурачина, ты кого бьешь?! Раскрой zenки!

– Так не лезь... – буркнул Герон. Я шагнул к старшему.

– Дакот, слушай сюда. Тремор побежал за ребятами Пена Галата. Они сейчас здесь будут.

– Ну так что? – прорычал он, глядя мимо меня и размахивая подсвечником. – Тебе чего надо, Джа? Вали отсюда, мы заняты...

– Дакот! – Я схватил его за плечо и попытался развернуть к себе. Кое-как мне удалось добиться того, чтобы лицо с носом-картошкой, низким лбом и узкими злыми глазками обратилось в мою сторону. – Ты подумай, а? Раздербаните вы сейчас ребят Пена, а дальше что? Он, думаешь, оставит это так? Если вся его банда разом соберется, вам придется из города тикать.

– Ну и хрен с ним, – проворчал он, но, кажется, мои слова все-таки подействовали, потому что голос стал задумчивым.

– Дакот, у меня к вам дело есть. Вон там... – Я ткнул пальцем в сторону узкой двери у стойки, возле которой нетерпеливо переминался с ноги на ногу Дитен Графопыл. – Вон там боковой выход. Я ухожу, а вы смотрите. Хотите заработать – идите туда, буду ждать одну минуту. А хотите потом разобраться со всеми ребятами Пена Галата – так оставайтесь.

Я развернулся и пошел, уже не прислушиваясь к грохоту, тут же возобновившемуся позади. Мимо пролетел вопящий орк и врезался в стойку. Стойка со скрипом накренилась. Я нырнул в дверь, Большак – за мной. Тут было совсем темно, и Дитен стал командовать:

– Сюда иди, Джа. Теперь – прямо. Так, а сейчас погоди чуток...

Он прошмыгнул мимо, звякнув ключами, открыл очередную дверь. Снаружи был маленький дворик.

– Там калитка, слева. Выйдешь через нее. Все, я запираю...

– Погоди, – сказал я. – Вернись туда. Если Дакот меня послушался, то сейчас они тоже выйдут. Проведешь их до этого места, понял?

Помедлив, он кивнул.

– Хорошо, Джа. Только ради тебя...

– Спасибо, Большак. И еще принеси факел. Такой, чтоб я его смог потом распалить.

Он скрылся в доме, чтобы появиться через несколько секунд, сунуть мне в руку короткую палку с промасленными

тряпками на конце и вновь исчезнуть.

Я покинул двор через калитку в высоком заборе, обогнул какой-то сарай и очутился на той же улице, с которой попал в игорный дом, но теперь уже в другой ее части.

Почти стемнело. Зажав факел под мышкой, присел на корточки и стал ждать. Услышав голоса, резко выпрямился. На другом конце улицы возникли с десятков фигур, они быстрым шагом приближались к «Неблагодарному Двору». Я прижался к стене, чтобы ребята Галата не заметили меня. Они подошли к игорному дому, из дверей которого как раз показался Большак. Тот, кто шел первым, приостановился и что-то спросил, Дитен ответил ему.

Все, надо уходить, решил я. Ну его к бесам, связываться с Галатом охоты нет. Жаль, накрылось дело Атланса Макинтоша... Заскрипела калитка, и четверо каменных людей выскочили из-за сарая. Подручные Пена Галата тем временем один за другим входили в «Неблагодарный Двор», позвякивая многочисленным оружием.

– Тихо! – прошипел я. – За мной, быстро...

Я развернулся и побежал вдоль стены, эплейцы потопали следом. В конце улицы свернул, потом еще раз. Мы пересекли несколько дворов и выскочили на улицу, ведущую к портовому району. Эплейцы жили где-то здесь, рядом с городскими стойлами. Я перешел на шаг, высматривая нужное мне место. Возле отдельно стоящего дома в мостовой виднелась решетка с толстыми прутьями, а дальше высилась стена

склада. За нею начинался порт, и я остановился.

Каменные встали передо мной. Старший, Дакот, чуть ниже, и младший, Салга, чуть выше ростом, чем пара средних, Вага и Герон. На мой взгляд, все эплейцы похожи друг на друга, но средние братцы вообще близнецы. Темно-коричневая морщинистая кожа, сутулые спины, длинные толстые конечности – запястья толщиной с мою щиколотку, а ведь я тоже немаленький. Широкие рукава кафтанов словно набиты глыбами, вытасченными из городской стены. Казалось, будто у них вообще нет шей. Головы сидели прямо на показных плечах.

– Ты зачем нас оттудова вызвал? – спросил Дакот. Остальные молча пялились на меня узкими глазенками.

– Я вас, считай, спас.

– Неужто спас? – с серьезным видом уточнил он. На моей памяти каменные никогда не улыбались. – Так ведь самая гульба пошла.

– Я токмо разогрелся... – подал голос Салга. – В раж вошел, а тут ты...

– Тупые вы, – перебил я. – Там мужики Пена Галата как раз появились, больше десятка. Вы б с ними справились?

– Легко, – подтвердил Салга, но затем, поразмыслив, добавил: – Не, ну, может, и не легко. Но уделали бы их, да.

– А после? Думаешь, Пен это так бы и оставил? Или вы всю его банду собираетесь побить? Так у него человек сорок, да еще с десятков гоблинов. Пришлось бы вам потом отку-

паться. И сейчас придется, потому что Тремор все равно нажалуется, кто ему клиентов побил. Но сейчас штраф Галату будет меньше. Из-за чего драка-то?

– Да капитан этот, – проворчал Дакот. – Гоминид с Архипелага. Ну, тот, что с кривыми мечами, корсар-полулис... Ловчил, сука. А може, и не ловчил... – задумался он, потирая подбородок размером чуть ли не с мою голову. – Может, Салга тогда и вправду взятку неверно откинул...

Салга обиженно насупился.

– Чего это я неверно? Все я верно, пуп на пузе!

Эплейцы – неисправимые игроки, но играть толком никогда не умели. Слишком грубо для этого устроены их мозги.

Я сказал:

– Ладно, это ваши дела. Хотите, возвращайтесь назад, только меня выслушайте. Работа есть.

– Да куда уж назад, – возразил Салга. – Всю веселуху попортил. Хотя... Може, Дак, и вправду вернемся? Мне так оно очень в жилу помахатья малёха...

– Заткнись, – бросил Дакот. – Джа прав. И так теперь с Пенем разбираться. Говори, Джанки, чё за работа?

Я окинул взглядом улицу. Стемнело окончательно, в окнах домов зажегся свет.

– Значит, завтра поутру идем в пустыню Хич. Двигаться целый день и еще полночи. Там есть здание, его охраняет десятка два бойцов. Внутри – хабар. Туда как раз должен подойти отряд. Когда для них откроют проход, наскაკиваем,

прорываемся внутрь, берем хабар и быстро отваливаем. Возвращаемся назад. Хабар – хозяину, вам за работу каждому по двадцать пять золотых. Идет?

Как я и ожидал, они не стали ничего спрашивать, только Салга уточнил:

– А кто охраняет?

– Гномы, – ответил я, и он проворчал: «Не люблю мелких жмотов». И все, больше никаких вопросов. Сотня золотых – большая сумма для братьев, да и не таковы каменные люди, чтоб особо умствовать и выяснять подробности. Работа так работа, пустыня так пустыня, гномы так гномы...

– Все, добазарились, – сказал Дакот. – Половина монет вперед. Когда и где?

– Завтра на рассвете, возле восточных ворот. Возьмите в стойлах шестерых камелопадов. Оставьте хозяевам залог и плату... ну, как за три дня. Хватит у вас монет на залог? Наш заказчик рассчитается.

– Хватит, – сказал Дакот. – На шестерых зверюг хватит. Все у тебя, Джанки?

Я ответил:

– Да, только повтори еще раз, Дак.

– Ну, эта... Завтра, значит, на рассвете возле восточных ворот. Взять в стойлах шестерых камелопадов, забашлять хозяину за три дня...

Кивнув, я произнес:

– Все, идите себе.

Они развернулись и стали спускаться по улице. Как только четыре могучие фигуры исчезли в темноте, я сделал шаг в сторону, поднял решетчатый люк, на котором стоял все это время, спрыгнул вниз и поставил решетку на место.

2

Здесь был наклонный коридор, земляные стены и лужицы воды на хорошо утрамбованном полу. Под одной стеной лежал плоский камень.

Там, где в реале магии меньше, попасть в Патину сложнее. И наоборот. Присев на камень, я прижал пальцы к правому запястью и закрыл глаза.

Теперь танец звуков и света длился очень недолго. Я провалился в Патину быстро и не стал подниматься к над-уровню, чтобы оглядеть все Колониальное Единство. Коридор с каменными стенами расширился, дрожащие разноцветные нити протянулись в разные стороны, затрепетали клубящиеся пологи – все это тусклое и зернистое, словно блеклый световой налет на окружающем пространстве.

То, что я собирался проверить, находилось неподалеку. Я начал перемещаться, и тут же впереди разгорелся тусклый свет.

Плотные клубы эссенции двигались вниз по стенкам огромной воронки. Вдоль этих стен были выложены круги, на каждом круге – аналоги. Я спустился к нижней части во-

ронки, где эссенция скапливалась озером. Из озера торчала решетчатая конструкция, внутри ее двигались два сгустка света. Когда они сходились, от них отлетали зеленые и красные клочья, падали и растворялись в озере эссенции. Снаружи возле углов решетки виднелись два аналога. Один из них изогнулся так, будто глядел в мою сторону – возможно, я привлек его внимание.

Я помахал ему и уже собрался было возвращаться, когда увидел йети: косматый страшила, сгорбившись, перемещался по озеру. Казалось, он сам состоит из эссенции, словно вырастает из озера. Аналог, обративший на меня внимание, опять изогнулся, теперь в сторону йети, и испуганно дернулся. Одновременно зеленый сгусток внутри клетки замедлил движение и тут же получил удар от красного – клочья тумана разлетелись во все стороны. Йети подошел ближе, зеленые клочья устремились к нему, стали серыми и втянулись в косматое тело. Он кормился.

Тот, кого я искал, был здесь, и я вышел из Патины.

* * *

Прихваченным с собой огнивом разжег факел. За коридором начиналось просторное помещение; под мшистыми стенами залегла темень, где-то плескалась вода. Я пересек коридор и плечом толкнул дверь. Еще один коридор, но здесь вдоль стен тянулись широкие выступы. Между ними текла

черная вонючая вода.

На левом выступе при свете лучины три лохматых тролля-оборванца играли, звонко цокая костями. Они на меня внимания не обратили, я на них тоже. Лишь один игрок молча подвинулся, позволяя пройти.

Я пересек коридор, перепрыгнул через углубление с водой и очутился в верхней части наклонной земляной расселины. Снизу сюда проникал тусклый свет. Воткнув факел верхним концом в землю так, чтобы он потух, встал на четвереньки и начал спускаться.

В Кадиллицах случалось по крайней мере пять крупных пожаров, когда дотла сгорал весь город, и множество поменьше, от которых выгорало несколько кварталов. Каждый раз новые дома строились поверх старых, прокладывались улицы – а внизу оставались подвалы, погреба, стоки...

Я услышал тихий ритмичный звук – пыц... пыц... пыц... – миновал расселину и выпрямился, отряхивая колени. Свет стал ярче, впереди маячили какие-то тени. Сделал несколько шагов, и одна тень приблизилась – стало видно, что это старик-гном, совсем сморщенный и беззубый, с отвисшей челюстью. В руках он держал лучину, на шее висел деревянный свисток. Положив на него ладонь, гном поднял лучину, заглянул мне в лицо, узнал и отступил.

Пыц... Пыц... Пыц... – звуки стали громче.

Вскоре из тьмы выступили каменные столбы. Целый лес массивных черных столбов, покрытых сложным барелье-

фом. Верхняя их часть терялась в темноте, нижнюю скрывал густой серый туман, словно озеро, которое плескалось бесшумно и медленно. Я пошел между столбами, разгребая ногами туман и скользя взглядом по барельефам, по переплетениям диковинных силуэтов, лицам и мордам, рогам, крыльям, клыкам и лапам...

Туман бурлил, но не так, как может бурлить вода. Он скорее напоминал лаву, серую и холодную, – пузырился, выбрасывая над поверхностью вытянутые сгустки. Они обвивали ноги и соскальзывали, когда я делал очередной шаг.

Столбы закончились, я попал в узкое пространство, ограниченное высокой стеной.

Пыц... Пыц... Пыц... – ритмичные звуки раздавались теперь совсем близко.

В стене имелась дверь, бронзовые створки, покрытые теми же барельефами, что и столбы. Возле дверей стояла пара орков с топорами. Когда я появился, оба одновременно взглянули на меня и тут же равнодушно отвернулись. Я нажал на створку, протиснулся внутрь и оказался в Капище.

* * *

Когда-то здесь был храм. Погребенный под несколькими слоями руин, он тем не менее не разрушился. Магия этого места очень сильна, она и поддерживала Капище в приличном состоянии. Она, а еще его новые хозяева.

Пыц!!! Пыц!!! Пыц!!! – звуки издавала добрая сотня зрителей, расположивших на каменных сиденьях, что рядами покрывали склон амфитеатра. Они ритмично колотили кулаком одной руки по ладони другой, в такт движений двух бойцов, которые внизу, на арене, наносили друг другу удары.

Я стоял над верхним рядом и мог наблюдать отсюда десятки затылков – человеческих, гоблинских, трольских, гномьих... Внизу прутья решетки ограничивали участок, где двое сцепились в схватке.

Между рядами тянулись узкие лестницы, и я стал спускаться по одной из них.

Казалось, что в широкую воронку откуда-то сверху беспрерывно льется серый туман. Он покрывал все Капище, возникая неизвестно где, медленно стекал по склонам к ровному участку и там накапливался.

Снаружи возле решетки стояла та часть зрителей, для которой бои являлись не только развлечением, но и возможностью заработать на ставках. Я огляделся. На противоположных сторонах клетки виднелось две решетчатые двери, сейчас закрытые. Возле каждой был стул, на одном сидел гoblin с непомерным брюхом, на втором – кто-то, похожий на гнома. Оба лысые. У гоблина на плечи наброшено полотенце, а у ног стоит кувшин с водой.

Он качался на своем стуле, то ныряя всем телом вперед, то откидываясь назад и не отрывая взгляда от происходящего в клетке. Второй наблюдатель сидел неподвижно. С того

места, где я остановился, были хорошо видны их лица. В выражениях этих лиц присутствовало нечто общее.

Оба отрешенные и слегка безумные. Нет, не безумные – скорее не от мира сего. Глаза, хоть и раскрытые, смотрели, казалось, внутрь головы. Я перевел взгляд на то, что происходило в клетке.

Там лярва дралась с мантикорой.

Никогда не был поклонником боев. Но в этой схватке присутствовало определенное изящество.

Лярва предпочитала передвигаться на всех четырех лапах. Шкура нежно-зеленого цвета – ее не пробивала даже пущенная из самострела с близкого расстояния стрела – лапы и голова как у большого морского ящера. На голове изогнутые рога. Когда она разинула пасть, показали ряды мелких зубов и пара длинных клыков. Очень тонкий, подвижный язык в локоть длиной метнулся из пасти вместе с еле заметной розовой струей, которая попала в лицо мантикоры.

Именно в лицо, не в морду. Странное сочетание человеческих и звериных черт, массивный нос и высокий мощный лоб, глаза под насупленными бровями, поджатые в напряжении губы – все в обрамлении огненно-рыжей, словно объятай пламенем великолепной гривы волос. Перепончатые крылья и скорпионий хвост. Очень опасное существо, к тому же раза в два крупнее и тяжелее лярвы. Я даже удивился, с чего это им позволили выступать в единоборстве?

Позади клетки на треноге висел древний бронзовый гонг,

покрытый зеленоватым налетом. Рядом стоял орк. Он поднял длинную палку с утолщением на конце и ударил. Бам-м! – разнеслось над ареной.

Мантикора фыркнула, развернулась и с кошачьей грацией скользнула к тому углу клетки, где сидел толстяк-гоблин. Лярва изогнула шею, лизнула себя под мышкой и на кривых мощных лапах грузно потопала к своему углу. Распахнув дверь, гоблин вошел внутрь, на ходу разворачивая полотенце размером с простыню. Его лицо оживилось, стало не таким отрешенным. Мантикора улеглась, положив голову на передние лапы, гоблин набросил на нее полотенце и принялся вытирать красную шерсть. Зрители за клеткой громко переговаривались, обсуждая ставки. Из рядов над ними что-то кричали. Серый туман все так же медленно стекал по рядам, образуя у основания Капища клубящееся дымное озеро.

Бам-м!

– Дек'Унер против Ат'Ланчи. Пятый раунд! – проорал орк с палкой.

Мантикора тихо рыкнула и метнулась в клетку навстречу медленно семенящей лярве. Обе тут же сцепились, и, несмотря на скудное освещение, у меня зарябило в глазах от быстрого мельтешения зеленого и красного. Я отвел взгляд, выискивая проход, через который бойцы попадали на арену.

Капище взревело.

Удивительно – лярва таки завалила мантикору. Та упала на спину, а лярва встала на задние лапы и правой передней

съездила соперницу по челюсти – движение, в котором причудливо соединилось человеческое и звериное.

Вскочившие со своих мест зрители вопили и размахивали руками. Орк с палкой ударил в гонг.

– Победили Ат’Ланчи!

Гном выпустил лярву наружу, и вдвоем они спустились по короткой лестнице в проход между рядами. Я покачал головой, разглядывая поверженную мантикору. Сидящий рядом с ней гоблин-толстяк, кажется, почти потерял сознание. Вокруг суетились люди и орки. Я пошел за победителями, а навстречу из прохода уже выбегали две другие пары – анталоп и энфилд, двое «тел» в сопровождении своих «голов», орка и лепрекона.

Под амфитеатром протянулось несколько освещенных факелами коридоров. Гул голосов, холодный сырой воздух, каменные стены, скрытый туманом пол. Туда-сюда сновали орки – хозяева Капища. Обычно орки работают мелкими лавочниками, чиновниками городского совета, служащими торговых домов и порта. Но оркский клан Бастка, самый влиятельный в Кадиллицах, издавна владел Капищем и упорно сопротивлялся стремлению организованных банд вроде ребят Пена Галата завладеть процветающим доходным предприятием.

Мимо прошло несколько гоблинов и людей. Я пересек коридор, толкнул дверь и попал в просторную комнату. В дальней ее части имелся неглубокий бассейн, Ланчи как раз

устраивалась на отдых, сидя на его краю и свесив передние лапы в воду.

– Привет, Ат, – сказал я.

На самом деле он не был гномом. Гномы совсем не такие, они обычно на голову выше и к тому же более коренастые и крепкие. Человек-карлик, который как раз залезал в одно из пары кресел перед низким столиком, напоминал ребенка с лицом взрослого. Тщедушный, с тонкими недоразвитыми ручками и кривыми ножками, с узкими плечами и непропорционально крупной лысой головой. На темени его виднелась метка, но не такая, как у меня на запястье. Очень большая и неправильной формы, словно голову облили чем-то темно-розовым, и оно застыло.

Ат еще не полностью вышел из Патины. Он бездумно уставился на меня, не узнавая, откинулся в кресле, медленно поднял руку и прикоснулся к пятну на голове.

Серый туман, магическая основа Капища, поддерживавшая его в первозданном виде, был и здесь. Он пошел волнами, омывая мои щиколотки, когда Ат дотронулся до метки. Карлик моргнул. Еще мгновение лярва двигалась осмысленно, а затем тяжело опустилась в бассейн, булькая водой и разбрызгивая темную воду.

Он сказал:

– Эге, да это ж Джа... Давно здесь? Пить хочет? Пусть садится, Ат сейчас что-нибудь...

– Расслабься, – перебил я. – Отдыхай, я сам.

Я прошел к шкафчику возле бассейна, достал пару стаканов и, поколебавшись, выбрал одну из бутылей.

– Эй, Ату покрепче. – Когда я вернулся к столу и поставил стаканы, карлик вдруг быстро закивал, тыча коротким пальчиком мне в грудь. – То-то перед боем Ат смотрит – кто-то в Патине есть, заглядывает, ищет Ат'Ланчи. Это Джа был? Старина Джа...

Он заговаривался. Когда Ат через Патину руководил Ланчи, с ним вообще невозможно вести нормальную беседу. Да и сразу после выхода он еще некоторое время плохо соображал.

– Пей, – сказал я, всовывая стакан в морщинистую ручку. Карлик вцепился в него и залпом осушил. Ланчи приподнялась в бассейне и махнула передней лапой, плеснув на меня водой. Я погрозил ей пальцем, она выпростала тонкий язык, помотала им, словно змея хвостом, и снова опустилась в воду.

– Эге, да это ж Джа? – спросил Ат и уставился в свой стакан. – То-то я гляжу, кто-то ищет через Патину. Джа хочет выпить?

Я опять наполнил стакан, карлик осушил его и вдруг съжился, беспомощно вертя головой.

В двери появился гоблин-толстяк, «голова» мантикоры. Его все еще покачивало после финального удара лярвы. Он сделал два неверных шага и сказал:

– Ну, сука, и вмазал! До сих пор в башке звезды. – Гоблин

швырнул на стол громко зазвеневший мешочек. – Держи.

Ат выпрямился в кресле, посмотрел на гоблина, потом на мешочек.

– Все как договаривались, Дек, – произнес он спокойно. – Ты доволен?

Дек подумал, покосился на лярву и неопределенно махнул рукой.

– А чтоб его...

– Что? – спросил Ат.

Гоблин мотнул головой и вышел.

Карлик подтянул к себе мешочек, раскрыл, пересчитал содержимое и бросил взгляд на меня.

– О, это ты, Джа! Давно здесь? – Тут он увидел стакан и полупустую бутылку на столе. – А, понятно. Хочешь выпить, Джа?

– Не хочу. – Я сел во второе кресло. – Очухался?

Он замер, прислушиваясь к своим ощущениям, потом оглянулся на лярву. Та неподвижно лежала в бассейне, только рога торчали над водой.

– Эй, я чего-то тебе не то наговорил? – забеспокоился карлик. – Ты не обижайся, если что. Знаешь, мне надо передохнуть после боя.

– Все нормально, не волнуйся, – заверил я. – Но больше пока не пей. Два стакана ты уже в себя влил, а мне надо с тобой перетолковать.

– Ага, ладно... – Ат прицепил мешочек к ремню и за-

мер, вслушиваясь в ритмичное «пыц», проникшее в комнату сквозь каменные стены. – Ты глянь, уже начали...

– А у вас все на сегодня? – спросил я.

Он кивнул, потянулся к бутылке, но передумал и убрал руку.

– Пока да, хватит. Следующий бой послезавтра. – Ат вдруг улыбнулся. – Эге, то-то я чувствовал – кто-то нас через Патину ищет. Вроде знакомый аналог мелькнул... Это ж ты был?

– Ну да. Я точно не знал, есть у вас сегодня бой или нет, вот и проверял, не зря ли суюсь в Капище. Много заработали?

Ат погладил мешочек на поясе:

– Орки платят по две монеты за бой. Нам с Ланчи, поскольку мы – классный боец, четыре, как и Деку с Унерой. Но мы сами ставить не имеем права, хотя если столкнуться кое с кем, то за нас поставят... Ну, ты и без меня знаешь, что к чему.

Я кивнул.

– На победу или поражение в определенном раунде, да? Тебе надо только договориться с Деком, чтоб он придержал Унеру...

– «Придержал»? – Он удивленно глянул на меня, и одновременно лярва в бассейне глухо заскребла когтями по дну. – Почему «придержал»?

– Ладно, я не за тем пришел. Ат, есть работа на стороне.

Завтра с утра, на целый день и на всю ночь. Ты как?

Он вдруг начал беспокойно оглядываться. Я заметил, что туман у ножек кресла плеснулся и забурился, но тут же опал. Глаза Ата выпучились, карлик поднял руку, дотрагиваясь до пятна, глядя прямо на меня и одновременно словно бы сквозь. Лярва в бассейне вновь заскребла когтями по дну. Я хлопнул ладонями, он вздрогнул и выпрямился.

– Призраки одолевают? – спросил я сочувственно.

– Эй, это ж Капище, понимаешь? – пробормотал Ат. – На этом месте в Патине древние элементали сохранились, сущности всякие, еще с тех времен, когда здесь жрецы жертвы приносили. Йети какой-то бродит, никак не наестся, кацапета ползает постоянно, эссенцию сосет, души невинно убиенных чудят, а я боюсь этого, Джанки, очень. Так что у тебя?

– Работа есть, – повторил я. – Ты слушаешь?

– Слушаю, говори.

– Завтра утром надо идти в пустыню Хич, в тот район, где образовались Лезия Олни. Знаешь ведь, где это? Идти целый день и еще полночи. В реале там, где сейчас центр Лезий, есть большое здание, хорошо охраняемое. Внутри спрятан хабар. Мы прорываемся внутрь, берем хабар и уходим. Возвращаемся назад в город. Вам с Ланчи – тридцать пять золотых за работу. Идет?

Ат даже особо не размышлял – сразу же покачал головой.

– Эге, Джа, да ты меня за простака держишь. Какое здание, кто хозяин? Что за отряд охраняет, что за хабар? Его

цена? Кто еще в деле? Предполагаемые потери?

Я недовольно откинулся в кресле и отпил из стакана. Конечно, это тебе не дубоголовые эплейцы...

– Я не заказчик. Сейчас я посредник, понимаешь? Значит, всего рассказывать не могу. Но меня ты знаешь давно...

– Ну, знаю, и что с того? Все равно не могу так рисковать.

– Я-то рискую.

– Ты тоже идешь?

– Конечно. Дело сложное, потому и оплата большая. Ну ладно, слушай. Наша цель – база гномов. Охраняют здание сами недомерки, а еще там вокруг ловушки. Магические, я их беру на себя. Всего нас будет, как я предполагаю, восемь, если считать Ат'Ланчи за одного. «Предполагаю» – потому что еще кое с кем мне надо перетолковать. Те, кто уж точно будет, это хозяин, я и четверо эплейцев. Каменные братцы, у которых старшим Дакот. Знаком с ними?

– Не знаком, но слышал. Драться умеют, а? Только тупые, конечно.

Я хмыкнул.

– Ну да. Какой хабар на базе и какая ему цена, этого я тебе, Ат, не скажу, извини. Секрет хозяина. На базу должен прибыть отряд гномов, для них откроют проход. Тогда-то мы и нападём. Опасно будет, это точно. Потери... Не знаю, Ат. Они, думаю, штурма не ожидают. Гномов там примерно десятка два, хотя, возможно, я не всех успел заметить. Может, и больше, но не намного. Я успел посетить аналог в Патине и

выдернул оттуда стаю хищных марлетов. За такой короткий срок им новых обученных марлетов нигде не раздобыть, так что уже легче. Что тебе еще надо знать, чтобы согласиться?

– Кто хозяин? – спросил он.

Я помедлил, решая, говорить ему или нет. Эплейцам я бы точно ничего заранее не сказал, но Ат поумнее будет, и ему, в общем, наплевать на расу хозяина...

– Эльф, – сказал я.

– Он идет с нами?

– Да.

– Н-ну... – Карлик воспринял это известие спокойно. – Какие еще ты ожидаешь трудности?

– Трудностей четыре. Первая – магические ловушки. Но это, повторяю, я беру на себя. Вторая – передовой отряд гномов, который вроде бы выскакивает наружу при малейшем намеке на вторжение и режет все, что движется и дышит. Это дело, в основном, каменных и частично вас с Ланчи. Третья – попасть внутрь. Там внешняя защита, «хрустальный склеп». Скорее всего, он настроен на гномов, то есть их пропускает, а остальных сжигает. Это опять моя забота. Четвертая – внутри очень быстро отыскать место, где спрятан хабар, взять его и выбраться наружу. Хабар, скорее всего, на втором этаже. Если все получится так, как я рассчитываю, то...

– Пятьдесят золотых, – перебил он.

– Сколько? – Я постарался, чтобы голос прозвучал удивленно.

– Полсотни, – повторил Ат. – Эй, Джа, да тебя послушать, все дело – одна сплошная трудность. Мы с малышкой стоим этих денег.

– Сорок.

– Сорок пять.

– Сорок два.

Он скривился.

– Ты торгуешься, как гномиха на базаре. Хорошо, сорок три. Половина – перед выходом.

Я прикинул сумму. На разнице в том, что предлагал Атлас Макинтош и на что согласились каменные, я выигрывал сотню. На Ат’Ланчи – всего семь. Но, с другой стороны, я мог требовать с эльфа и больше...

– Заметано, – сказал я. – Слушай, не подумай, что я лезу в чужие дела... Любопытно просто. Этот гоблин, Дек, «голова» мантикоры... за сколько вы с ним сошлись, чтобы она легла в пятом раунде? Бои вообще выгодный бизнес, да, Ат?

Он покосился на меня.

– Эге, да ты ж ничего не понял, Джанки. Мы договорились не о том, что Унера ляжет в пятом раунде. Мы договорились, что Ланчи не станет валить ее раньше пятого.

Несколько секунд я смотрел на карлика, соображая, не шутит ли он. Унера раза в два крупнее лярвы, и вообще, она же мантикора... Боевые мантикоры – самые опасные создания на континенте. Но с другой стороны, лярвы встречаются гораздо реже. На всем побережье Ланчи, кажется, един-

ственная, поэтому, возможно, слухи о подвигах лярв не распространены так широко. Впрочем, решил я, хорошо, раз так. Именно такие бойцы мне и нужны.

Я сказал:

– Завтра на рассвете, возле восточных ворот. Ланчи может быстро двигаться по пустыне? Мы с каменными и эльфом будем на камелопадах, вы не отстанете?

Ат покачал головой. Взгляд его опять стал затравленным, он приподнялся в кресле, настороженно глядя по сторонам, и махнул маленькой ручкой, словно отгоняя кого-то невидимого. Борясь с желанием войти в Патину, чтобы увидеть тех, кто донимал карлика, я громко повторил:

– На рассвете возле восточных ворот... – помахал Ланчи и вышел из комнаты.

3

Мне не пришлось возвращаться туда, откуда я проник в городское подземелье. По старой дренажной трубе я обогнул Капище и, миновав под землей несколько кварталов, поднялся наверх.

Ночью на окраине города стояла глухая тишина. Ни одного огонька в окнах редких домов. Все местные орки и большинство людей давно спали, и даже гоблины, ведущие обычно разгульно-ночной образ жизни, уже улеглись. По пути я наткнулся на один из патрулей протекторской стражи, но за-

метил их раньше, чем они меня, и обошел стороной.

За окраинным кварталом тянулся пустырь, издавна служивший городской свалкой. В темноте, озаренные лишь светом звезд, высились завалы мусора. Стараясь не дышать глубоко, я обогнул приземистую, лохматую гору отбросов, слыша крысиные пiski и шуршание. Впереди возник размытый свет, льющийся из лощины между завалами. Подойдя ближе, увидел костер. Рядом стоял птичий загон: деревянный настил, накрытый колпаком из прутьев. В нем спали обученные почтовые квальбатросы. Возле костра, привалившись спиной к дырявому бочонку и вытянув ноги, сидел Лоскутер.

Он подвинулся, я сел рядом. Из бочонка пахло гнилыми яблоками.

– Хорошая ночь, – тихо сказал я.

На его коленях лежало несколько клинков, а один Лоскутер осторожно держал за гарду и чем-то медленно водил по лезвию. Оружие тускло поблескивало в свете костра. Рядом стояла бутылка.

Я взял ее и понюхал. Пиво! Сейчас мне именно этого не хватало, и я с удовольствием отхлебнул. В загоне один из квальбатросов заволновался, что-то коротко курлыкнул и зашуршал крыльями.

Прикоснувшись к острию ногтем, Лоскутер кивнул и взялся за другой клинок. Позади нас пискнула крыса, зашуршала и смолкла.

– Дело есть, – сказал я.

Он медленно повернул ко мне лицо – худое и смуглое, с блестящими глазами и тонкими бровями, горбоносое. Почти без морщин, хотя он раза в три старше меня.

– Расскажи.

Я рассказал все.

Лоскутер уставился на лезвие, которое затачивал все это время. Изящные длинные пальцы пробарабанили по рукояти, и он отложил клинок.

– Ты уверен?

Я опять отхлебнул и передал ему бутылку.

– Уж очень большой куш, Лос. Я бы в жизни на такое не согласился, но... Понимаешь, я смогу больше вообще не заниматься всем этим... тем, чем мне приходится заниматься. На такие деньги можно купить что-нибудь. Крупный постоянный двор, центральной кабак, большой текстильный цех, каретную мастерскую – и еще останется в пять раз больше. После этого вообще не будет никаких забот.

– А гномы? Если прознают, кто их ограбил, и решат отомстить?

– Мечь не приносит доходов. Гномы не мстительны, ты же знаешь. Ясное дело, риск есть. Но барыш уж больно велик.

Он откинулся назад, положил голову на бочонок и прикрыл глаза.

– Расскажи еще об эльфе. Ничего не пропускай.

Я рассказал.

– Ты знаешь, я не прикоснусь к боевым заклинаниям, – произнес Лоскутер тихо. – И денег, которые ты за них собираешься выручить, мне не надо. Я не терплю этого, Джанк, всю эту магию...

– Знаю. Но смотри... На каменных я выручу сто золотых. Дальше, Макинтошу придется заплатить Ат'Ланчи не как одному, а как двоим. Я скажу ему, что они стоят сотню. На самом деле я плачу Ату сорок три, выходит – пятьдесят семь плюс сотня. Плюс еще твоих пятьдесят. Ты получишь почти двести монет, Лос.

– Дело не в деньгах, – сказал он.

– Конечно. – Привстав, я показал на загон. – Дело в птицах. На эту сумму ты сможешь построить неплохой загон в городе. Не такой, из прогнивших досок, а настоящий, с кормушками и бассейном с соленой водой. Сможешь хорошо кормить их, купить несколько птенцов этой восточной породы, которых давно хотел заиметь... Они ж дорогие?

– Пятнадцать золотых за птенца.

– Ну вот. У тебя никогда не было таких денег.

Он покачал головой:

– Нет, Джанк. Дело и не в птицах.

Повернувшись, я встал на колени так, что мы оказались лицо в лицо. Он сидел с закрытыми глазами. В загоне опять курлыкнул спящий квальбатрос. Где-то тихо зашуршала крыса.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда слушай. Дело не в твоей

доле. Дело не в твоих птицах. И дело даже не в моей жадности. Дело во мне, Лос. Я хочу получить эти деньги, но не потому, что мечтаю разбогатеть. Да, мне до сих пор все сходило с рук. Я везучий, но ищейки Протектора уже заинтересовались мною. Кажется, за мной следят. Понимаешь? Прямо сейчас – нет, но, возможно, они просто затаились на время. В любом случае, Микоэль Неклон помнит обо мне и только ждет случая, чтобы... Уж ты-то знаешь, почему он обо мне помнит. Но эти деньги... ты давно говорил: мне пора прекращать заниматься тем, чем я занимаюсь. И вот теперь появилась возможность завязать и смыться из города.

В костре громко затрещала ветка, огонь вспыхнул ярче, искры взметнулись в воздух и погасли.

– Я слышал, Протектор для чего-то вызвал сюда одного эльфа. И одного гоблина редкой породы. Их много лет не было в городе. Джанк, возможно, ты помнишь их. Особенно эльфа.

Воспоминание, которое иногда кошмаром приходило ко мне по ночам, возникло опять. Я мотнул головой.

– Работа с гнильцой, Джанк.

Я опять сел, привалившись спиной к бочонку, поглядел на звезды.

– Знаю. От нее несет гнилью, как от этой свалки.

– Эльф темнит.

– Конечно. Но и я темню.

– Думаешь, он собирается отдать тебе половину заклина-

ний?

– Думаешь, я оставлю ему выбор?

Он еле слышно вздохнул:

– Быть хитрым я тебя научил, Джанк. Тебе бы еще стать мудрым.

– Мудрый у нас ты, Лос. Зачем мне мудрость, если у меня есть хитрость и ты? Да в конце концов – о чем мы говорим? Ты ж не Ат’Ланчи, что же я уговариваю тебя? Скажи только – да или нет. Если нет, я встану и уйду.

Мой старый учитель-эльф произнес:

– Так охрану этой Башни возглавляет высокий одноглазый гном? Интересно, да?

На дороге к лезиям Олни. Оазис

1

Я даже успел поспать, хоть и недолго. На восточной окраине города зашел в постоялый двор, где хозяйничал один мой старый знакомец, и прокемарил оставшиеся до рассвета часы. Позавтракав и выпив две чаши крепкого кофе, я пришел на место встречи раньше всех. Сонный гоблин, позевывая, вышел из сторожки и отпер узкую дверь рядом с воротами.

– Благодарю, Гер. – Я дал ему мелкую монету. – Тут еще несколько парней скоро появятся, выпусти их и скажи, что я поджидаю там... – Я махнул в сторону гряды пологих холмов, тянувшихся от городской стены почти до самой пустыни.

Гоблин что-то пробурчал в ответ и ушел.

Едва успел добраться до неглубокой низины за холмом, когда пришел Лоскутер. Он кивнул, сел, поджав ноги, на еще мокрую от росы траву и принялся раскладывать свое оружие. В основном – клинки, я насчитал шесть штук, по паре разных форм, длинные и узкие, короткие и широкие, кривые. Лоскутер стал пристегивать их один за другим – на спину и на поясной ремень, – тихо напевая себе под нос.

Появились Ат'Ланчи. Лярва семенила на всех четырех ла-

пах, к спине ее широкими ремнями крепилась корзина, выложенная одеялами и пестрыми подушечками. В корзине полулежал Ат. Ланчи, подойдя ближе, не то кивнула мне, не то просто качнула головой, и присела на задние лапы. Ат осторожно выбрался из корзины, неловко спрыгнул, глянул на меня, на Лоскутера, пробормотал: «Эге...» – и принялся поправлять сбрую, привставая на цыпочки и протягивая вверх короткие ручки. Я уже собрался было пособить ему и шагнул к лярве, когда из-за холма вышел Атлас Макинтош.

Оделся он теперь по-другому. Кафтан с меховой оторочкой сменил на длинную кожаную куртку из шкуры камелопада – при взгляде на эльфа начинало рябить в глазах от оранжевых и синих пятен. Веер висел на поясе. Когда он подошел ближе, я увидел под расстегнутой курткой все тот же золотой медальон.

Я собрался поприветствовать Атласа, но он вдруг устоял на Лоскутера. Я оглянулся. Лоскутер искоса посмотрел на Макинтоша и тут же потерял к нему интерес.

– Давайте отойдем, Джанки, – предложил Атлас и попытался взять меня за локоть, но я отдернул руку. Не терплю, когда ко мне прикасаются личности моего же пола, не важно, кто они – люди, орки, эльфы, гномы или лепреконы.

Мы сделали несколько шагов в сторону холма и остановились.

– Кто это такой? – прошипел эльф. – Почему вы...

– Ат'Ланчи, тандем, – представил я. – Человек и лярва.

Лоскутер, эльф. Все трое – отличные бойцы. Все хотят половину оплаты вперед.

– Тандем, хорошо, – откликнулся он. – Но что здесь делает этот эльф?

Я поднял брови:

– Ждет, как и все мы. Еще подойдут четверо эплейцев. Я нанял лучших, кто был сейчас в городе.

– И эльфа?!

– Кажется, вы оставили выбор бойцов на мое усмотрение? Ничего не было сказано про эльфов. Я и действовал по своему усмотрению. С чего это вы против, Атлас? Вы сами – кто?

Он быстро заморгал, скривил губы, словно собираясь выругаться, потом вымученно улыбнулся.

– Ну, хорошо, хорошо! Надеюсь, вы не стали нанимать еще и гномов?

– Нет. Всего семь бойцов, не считая меня. У нас с вами разговор особый, а остальным надо выдать задаток. Вы кошелек-то захватили, Атлас? Потрудитесь отсчитать сто семьдесят пять золотых, по четвертаку каждому. Каменные сейчас подойдут.

Продолжая бросать недоверчивые взгляды на Лоскутера, он снял с плеча кожаную котомку, развязал и запустил руку внутрь. Послышалось звяканье монет, но тут Макинтош опять заморгал, наконец сообразив.

– Подождите, Джанки. Почему вы сказали семь? Их же шестеро...

Я непонимающе оглянулся на Ат'Ланчи с Лоскутером, затем глянул на эльфа.

– Как это шестеро? Вы считать умеете? Вот здесь трое, и еще сейчас подойдут четыре эплейца. Кстати, почему они задерживаются...

– Здесь двое, – возразил он. – Я вижу старого эльфа и тандем, их двое и...

Я перебил:

– Ах, это... Ну что вы, тандем ведь состоит из двоих. Они являются одной личностью, только когда действуют сообща, соединенные через Патину. Обычно у каждого свои нужды, хотя, конечно, они и заботятся друг о друге, но каждый – самостоятельная персона. Конечно, они идут за двоих.

– Сотня золотых! – сказал он. – Так много? Хорошо, давайте я сам поговорю... – Он шагнул к Ат'Ланчи, и тогда я вцепился в воротник его куртки, развернул и дернул к себе.

– Атлас! – зашипел я. – Ты что мне сказал? Нанять лучших, платить по полсотни каждому. Что я сказал тебе? Ты нанимаешь меня, но их нанимаю я. Они – мои, понял? Распоряжаюсь ими я, все переговоры веду я! Это ясно? Все указания через меня, все просьбы – через меня! – При этом я тряс его воротник так, что голова эльфа дергалась. – Теперь слушай еще внимательнее! Тандему надо заплатить сотню, по пятьдесят каждой половине. Эльфу – пятьдесят. Эплейцам – тоже по пятьдесят, то есть двести. Всего выходит триста пятьдесят монет. Половина – наперед. Сейчас ты даешь

мне сто семьдесят пять, а я решаю все остальное. Тогда я поручусь, что и они станут делать то, что мы прикажем. Ты можешь сейчас взять и через мою голову попытаться договориться с ними или с кем-то из них. Но одно слово – одно только слово, обращенное к ним не через меня, – я уйду. Словушками будешь разбираться сам. Ты понял?!

Я подался вперед так, что мы почти уперлись носами. Прямо перед собой я видел его глаза, расширенные зрачки, покрытые кольцами рубиновых искорок. Он быстро заморгал, из внешних уголков глаз медленно потекли две слезы, цветом похожие на искорки в зрачках, только бледнее. Вот странно – никогда не замечал, что слезы у эльфов капаят не так, как у людей. Хотя видел ли я когда-нибудь плачущего эльфа?

– Я понял вас, Джанки, – сказал Атлас. Левая бровь поднялась, он беспрерывно поводил плечами и мелко качал головой взад-вперед. – Я не переношу, когда на меня кричат. Отпустите.

Я сделал шаг назад и протянул руки ладонями вверх. Он принялся отсчитывать монеты, а я стоял, раздумывая над тем, что, кажется, находился только что в полушаге от смерти. Когда дергал его за воротник, полы куртки разошлись, и краем глаза я заметил то, что скрывалось под ней. Широкая перевязь, вся в петельках, и в каждую продет короткий дротик с черным оперением. Не обычный, похожий на толстую иглу, а плоский и шириной с мизинец – словно длинная пла-

стинка с зазубренным кончиком. Всего их там было около полусотни. И несколько последних секунд моей гневной речи правая рука Атласа была поднята, так что пальцы лежали на одном из дротиков.

Он молча ссыпал в мои ладони монеты, вытер слезы и сказал:

– Здесь семьдесят пять и десять червонцев.

Я рассовал золотые по карманам и улыбнулся ему:

– Так лучше. Имейте в виду, перед тем, как мы попадем на базу, вам придется еще потратиться.

Я отвернулся и зашагал к Ат’Ланчи, недоумевая, почему опаздывают каменные – и тут как раз они появились.

Эплейцы ехали на четырех камелопадах, а еще трех зверей вели на поводу. Когда они остановились, я сделал шаг в их сторону, ожидая, чтобы каменные увидели двоих эльфов и уразумели – один из них наш заказчик в этом деле.

Дакот осадил камелопада, зыркнул по сторонам и рявкнул:

– Ну чё, едем? Вот зверюги, садитесь и ходу...

Я с удивлением глянул на него, потом на остальных эплейцев. По близнецам вообще ничего невозможно было разобрать: они сидели в седлах как истуканы, и выражения лиц я бы определил самым подходящим для них словом – каменные. Младший, Салга, ворочался и скреб затылок. Решив пока не обострять вопрос с эльфами, я скомандовал остальным:

– Ладно, двигаем.

* * *

Городская стена скрылась из виду, по широкой дороге мы ехали вдоль гряды холмов. Впереди – Атлас Макинтош, за ним лярва с Атом в корзине и Лоскутер, потом я, а позади всех – каменные. Я достал деньги, отсчитал полсотни, обернулся в седле и протянул монеты Дакоту.

– Половина от вашей сотни, как договаривались. Остальное после работы, вместе с тем, что вы отдали за зверюг.

Мой камелопад бежал ровной иноходью. Морда с обвисшими губами тупая, изо рта желтыми прядями висит слюна. Два мощных горба, между которыми находилось седло, чуть покачивались.

Дакот с явным удовольствием пересчитал деньги и кивнул. Я собрался подъехать к Ат'Ланчи, но тут Салга подал голос.

– А наш хозяин, – негромко произнес он, – кто?

– Видишь этого парня в пятнистой куртке?

– Ну...

Я не оборачивался и выражения его лица не видел, но и этого «ну» вполне хватило. Тем более что Салга тут же добавил:

– Да это ж какой-то грязный эльфишка! Мы на эльфа работаем?

Приостановив камелопада, я развернулся между горбами и скомандовал старшему братцу:

– Дай Салге одну монету.

Дакот вылупил на меня глаза. Я кивнул ему, эплеец выудил золотой и протянул младшему, который, не понимая, что происходит, взял его.

– Это тебе за беспокойство, – произнес я. – Вали назад.

Повернулся и ударил каблуками в бока животного. Камелопад, чмокнув губами, затрусил вперед.

– Э... – донеслось сзади. – Чего такое, Джанки?

– Возвращайся в город.

– Да я... Да ты чего, братуха? Да я ж не... Дакот, на, забери обратно!

– Дакот, не бери, – сказал я. Салга шумно вздохнул:

– Джа, все, все, прекрати! Эльф так эльф, мне какое дело? Я ж так, не со зла... Мне просто эльфа слушать неохота.

– Не хочешь возвращаться?

– Не, чё ты, деньги нужны!

– Значит, слушай сюда. – Все это время я сидел лицом вперед, а теперь обернулся. Салга ехал рядом, я вытянул руку и сильно ткнул его пальцем в грудь. Палец заболел. – Ваш командир в этой работе – я. Эльф башляет, но слушаетесь вы меня. А чьи деньги потом в «Неблагодом Дворе» спустите, это вас не колышет. Понятно?

– Все понятно. Я ж просто...

– Так ты понял?

– Да понял, но просто...

– Еще чего-то сказать хочешь, Салга?

– Не... – Он потупился. – Все путем.

– Отдай монету Дакоту.

Опять пнув камелопада, я поравнялся с Ат'Ланчи и Лоскутером. Эльф ехал молча, Ат что-то бормотал, ворочаясь в корзине, то и дело поправлял сползавшее одеяло.

– Задаток. – Я протянул руку ладонью вверх. На ладони горкой лежали монеты.

– Эге... это хорошо... – Голова и плечи Ата появились над краем корзины, детские пальчики сгребли монеты. Лявва на ходу повернула голову и мигнула. Или подмигнула, кто ее знает.

– Эплейцы чем-то недовольны? – неожиданно спросил Лоскутер. Слух у него всегда был отменным, как и зрение.

Я покосился на прямую спину Атласа, ехавшего впереди всех, и сказал:

– Салга у них самый разговорчивый. Выражал недовольство, что заказчик – эльф.

Лоскутер ничего не ответил. Ат, разобравшись с монетами, опять высунулся из корзины.

– Надо бы привал устроить, Джанки.

– Мы спешим, – возразил я.

– Я так понимаю, обеда не будет?

– Поедим в седлах.

– Ну, можно... Эй, а остановиться все равно надо. Мы ж,

почитай, так ничего и не знаем. План нужно чтоб ты изложил.

– Это да, обязательно. Но позже, уже в пустыне. У каменных память короткая, так что лучше уже перед самой работой.

– Эге, тут ты прав, – согласился он.

Лоскутер вдруг, ни слова не говоря, потянул поводья и заставил камелопада подняться на вершину холма, мимо которого мы как раз проезжали. Там он некоторое время стоял неподвижно, а потом махнул рукой.

– Топайте дальше, – приказал я остальным. – Нагоним.

Когда мой камелопад остановился возле Лоскутера, эльф протянул короткую подзорную трубу.

– Посмотри назад.

Я привстал на стремянах, глядя в трубу вдоль линии холмов.

Деревья, заросшие травой и кустарником склоны, небо, зеленое и синее...

Серое.

Я пригляделся.

Труба – старая и слабая, с мутным стеклом, но все же я разглядел их. Десятка два или около того. Не пешие. Кажется, тоже едут на камелопадах, хотя с такого расстояния трудно разобрать. Скорее всего, либо эльфы, либо люди. Хотя, может быть, и кто-то еще. Двигаются туда же, куда и мы.

Может быть – вслед за нами.

– Вот гадство! – пробормотал я сквозь зубы, отдавая трубу

Лосу.

Мы посмотрели друг на друга, и эльф спросил:

– Ожидал чего-то такого?

– Не знаю. Возможно.

Под правым рукавом его куртки был кожаный запястник, Лоскутер просунул трубу под него и одернул рукав.

– Не знаешь кто?

– Нет. У тебя зрение лучше, что ты разглядел?

– Вряд ли намного больше твоего. Кажется, это люди. Хоть...

Я опять выругался:

– Ну и что мне теперь с этим делать? Мы не можем останавливаться, времени мало.

– Пока не делай ничего. Просто прими к сведению.

– Да я уже принял...

Мы спустились с холма и стали догонять отряд.

– Все-таки они могут ехать и не за нами, – решил я после короткого раздумья. – Прямо по курсу – Оазис Малика. Вдруг и они туда?

– Такой толпой? – усомнился Лоскутер.

* * *

После полудня мы миновали холмы. Потянулась равнина, с каждой милей все суше и желтее. Несколько раз я брал у

Лоса трубу, отъезжал в сторону и внимательно глядел назад. Те, кто то ли преследовали нас, то ли двигались в том же направлении, постепенно приближались.

Заросли исчезли вместе с деревьями, зато появились лишайники. Дорога свернула, но я хорошо знал этот путь, потому что проделывал его неоднократно. Показалась еще одна гряда холмов, и когда мы пересекли ее, взгляду открылась пустыня.

Она распростерлась до горизонта. Милях в трех впереди зеленел островок Оазиса.

2

Ветра не было совсем, все застыло – деревья, кусты, поверхность мелкого озера. Вокруг озера раскинулось хозяйство Малика: конюшни, несколько стойл, огороды между низкими изгородями... и нигде никого. Хотя не оставляло ощущение, что за нами наблюдают.

– Теперь стоим, – сказал я и, поманив Атласа, вместе с ним отъехал в сторону.

– Мне нужно снарядиться. Чтобы разобраться с ловушками, одного знания Патины недостаточно. Сотня монет.

– Сто золотых? – переспросил он.

– Скорее всего – меньше, я верну то, что останется.

– Но для чего именно?

– Купить какую-нибудь кобру.

– Кобру? – Он все еще не понимал. – О чем вы?

Я махнул рукой в сторону Оазиса:

– Купить ядовитую змею. Заклинание, способное справиться с защитой базы. Атлас, вы же изучили все это, когда добывали сведения, сами говорили. Неужели никогда не слышали о кобре? Это более мощная, штурмовая разновидность обычной ядовитой змеи.

Он открыл было рот, явно собираясь возражать, но я опередил его:

– Только не начинайте опять нудить. Отправляясь на такое крупное дело, невозможно избежать расходов.

– Нет-нет, я не об этом... – пробормотал он, выуживая из кармана деньги и окидывая взглядом окружающее – заросшие сорняком огороды, покосившуюся ограду, провалившуюся крышу ближайшего сарая и пустыню вокруг. – Где вы собираетесь ее покупать? Здесь же никого нет.

– Никого?

За сараем, на треть скрытый густыми зарослями, стоял покосившийся амбар, его широченная дверь висела на одной петле. Возле двери на бочонке кто-то сидел – зеленая курточка и штаны почти сливались с зарослями. Я показал эльфу, и тут из амбара вывалила целая толпа. Высокий, статный гоблин Ван Бер Дерен в окружении шестерых людей вышагивал величаво и медленно, охранники насторожено зыркали по сторонам. Половина – с длинными мечами, половина – с самострелами. Я пригляделся, и рот сам собой скривился

в усмешке. Эплейские самострелы. Те самые.

Гоблин повернулся к нам и приложил здоровенную лапичу козырьком ко лбу. Привстав на стременах, я махнул рукой. Он еле заметно кивнул и прошествовал дальше, скрывшись вместе с охраной между строениями.

– Эй, да это ж Ван Бер, – подал голос Ат, который уже успел вылезти из корзины и теперь ковылял вокруг лярвы на коротких дрожащих ножках, с озабоченным выражением лица поправляя крепежные ремни.

Каменные примолкли, уставившись вслед гоблину. Макинтош передал мне деньги и спросил:

– Кто это?

Мы с Лоскутером переглянулись.

– Дерен... – Салга со скрежетом почесал затылок. – Я его и видел-то всего пару раз в жизни.

Я громко произнес, обращаясь ко всем сразу:

– Стойте здесь. Мы недолго.

Кивнув Лоскутеру, слез с камелопада и шагнул к амбару, но тут Лос показал на холмы, от которых мы уже отъехали на приличное расстояние. Чуть помедлив, я подошел к эплейцам и произнес, глядя снизу вверх на Дакота:

– Вы на стреме будьте. Развернитесь мордами к тем холмам, рассредоточьтесь слегка. Не спите тут, в общем, ясно?

Дакот пошевелился в седле, а Салга вдруг рявкнул что-то непонятное:

– Ну, сука, не ко времени оно получилось!

Когда я повернулся, Лоскутер как раз разговаривал с Атом. Лярва, изогнув шею и приблизив к ним голову, казалось, тоже слушала. Ат сказал: «Эге... понял, понял...» – и замер, уставившись в одну точку. Губа отвисла, руки безвольно опустились. Лярва вздрогнула и, двигаясь уже по-другому, быстро и целенаправленно, развернулась к холмам. Почти припав брюхом к земле, она переместилась в сторону – теперь Атлас Макинтош оказался позади нее, как бы защищенный от угрозы, которая могла бы прийти с холмов.

Каменные, тихо ругаясь и споря, уже развели своих камелопадов, вытянувшись цепью. Дакот с Салгой оказались по краям, близнецы в центре.

– Этот эльф идет с вами? – спросил Макинтош. – Почему?

Я покосился на Лоса и объяснил:

– Потому, что я не хочу идти туда один.

– Это опасно?

Пожав плечами, я направился к амбару, Лоскутер пошел рядом.

Лепреконе Малике вынул изо рта трубку – он держал ее в зубах чашечкой книзу, а густой пряный дым опускался к земле, – и покачал головой. У лепреконов все наоборот, то есть на самом деле он кивнул. Его одежда была одета шиворот-навыворот, шапочка перевернута козырьком назад.

– Привет, – сказал я.

– Здорово. – Он покачал головой Лоскутеру.

– Шажок на месте?

– Деться ему ж куда? Есть и бизнес, он бизнес. Посту на всегда.

Сколько уже общаюсь с лепреконами, а все равно не могу привыкнуть к ним. Я поморщился и непроизвольно оглянулся. В слепых окнах проросла трава, внутри – темно... Я не видел их, но был уверен, что множество глаз сейчас наблюдают за нами. Даже такой крутой деятель, как Ван Бер Дерен, чей годовой доход исчислялся очень круглой суммой, рисковал навещать Оазис только с хорошей охраной. Лепреконт Малик позаботился о защите как магической, так и реальной. Магический вопрос он решил одним махом – просто отрезав все внешние концы, сделав Оазис самостоятельным ареалом, слепым пятном посреди Патины. В реале его защищали три десятка головорезов, бессменно дежуривших в разных местах Оазиса. Ну а приходящие к Малику покупатели сами заботились о себе.

Я тоже позаботился о себе. У меня был Лоскутер.

– Что ли, проходи уж?

– Да, Малик, – сказал я. – Мы уж пройдем...

Он опять качнул головой и вставил в зубы чубук. Я втянул носом воздух. Такой пряный, дурманящий аромат...

– Кактусы не доведут тебя до добра, Малик.

– Дело твое не.

– Ага, не мое. Но ты поберегись, а то сам колючками прорастешь.

Мы вошли в амбар.

Солома под ногами, еще одна узкая дверь, ведущая вниз каменная лестница, влажные стены, сырой воздух, метка на правом запястье начинает зудеть...

– Теперь давай я. – Лоскутер протиснулся мимо меня и пошел первым.

Я потер запястье. Эльф толкнул еще одну дверь, и мы попали внутрь Оазиса.

Магии здесь столько, что метка стала пульсировать и появилось желание разодрать ее ногтями. С виду – питейный зал какого-нибудь трактира, но только очень длинный, такой, что дальнюю часть, где находится стойка, и не разглядеть. На нас поглядывали со всех сторон. По центральному проходу шли посетители, под стенами тянулись ряды столов. Почти за каждым кто-то сидел. Лепреконы, гоблины, люди, даже несколько троллей, хотя, как правило, они создания тихие, мирные и предпочитают держаться подальше от подобного рода мест. Невдалеке я увидел аскетку – высокая и тощая зеленоволосая девица в легких доспехах. Орк с подносом в руках разносил закуску и выпивку.

Когда мы вошли, из-за ближайшего стола высокий тощий гoblin быстро глянул на нас и тут же вновь устался в укрепленный на подставке синий шар. Для чего-то он использовал сразу два <I>входа </K>– ко лбу гоблина прилепилось высохшее тельце торфяной жабы, острые коготки на ее лапках были погружены в череп.

В Патину можно попасть благодаря метке, особому роди-

мому пятну на руке или, что бывало гораздо реже, на голове, хотя такие доставались по наследству немногим. Другой способ – шар из морского хрусталя. Дорогая штука, не каждый может позволить себе такой. Малик, насколько я знал, владел двадцатью шарами и предоставлял их клиентам за отдельную плату. Шары бывали разными, из более мутного или более чистого материала. От его качества зависело, насколько глубоко и быстро ты мог проникнуть в Патину.

Мне шар не нужен. Я и так чувствовал, что благодаря своей метке и очень плотной магической насыщенности смогу сейчас быстро проникнуть в Патину. Из-за того, что Малик отрезал Оазис, магия не растекалась по Патине, а бесконечно накапливалась здесь. Я прошел до середины ряда и встал. За столом слева восседал тролль-страшилище – горбатый, лопоухий, с кривым пупырчатым носом и иссеченными оспой обвисшими щеками. Череп обрит наголо. Он сидел, отвернувшись от нас, из черепа за ухом торчал обточенный кончик тонкой косточки. Я покосился на Лоскутера.

– Давай, – тихо сказал он и присел за соседним столом. Не в силах больше сдерживаться, я соскользнул в Патину.

Преображение было почти молниеносным. Питейный зал изогнулся дугой и превратился в мост, тонкую изящную конструкцию, висящую над заполненной туманом пропастью. Вокруг плескалось марево плотной, насыщенной эссенции, со всех сторон ограничивавшей Оазис. Мост широкий, по краям, там, где раньше находились столы, теперь возникли

лотки и лавки. Здесь, в основном, торговали товарами, запрещенными для продажи на общественных нomaх в Колониальном Единстве или какой-то другой области. Продавцы предпочитали огороженную заводь Оазиса Малика и не скупались на расходы, связанные с арендой. Малик брал дорого, зато обеспечивал безопасность продавцов. Но не покупателей – они заботились о себе сами. Впрочем, у Малика можно приобрести очень диковинные вещицы, и, несмотря на риск и то, что сюда нужно было приходить в реале, то есть тащиться по пустыне, покупателей всегда хватало.

В находившейся слева лавке сама собой распахнулась дверь. Я шагнул внутрь.

Шажок Ребис давно варился в этом бизнесе и оборудовал лавку, как положено. Антураж можно за отдельную плату заказать Малику, на лепреконе постоянно работала пара магов, спецов по всяким зрелищам и аналогам. Но тролль предпочитал спланировать лавку сам и загружал ее в Патину через кость прямо из головы, без посредства метки или шара. Он мог, в отличие от Большака, поддерживать беседу одновременно с несколькими клиентами. Впрочем, подобные усилия нужны редко – клиенты обычно приходили по одному.

Он стоял за прилавком, а позади всю поверхность стены занимал стеллаж. На полках – склянки, мисочки, пузатые колбы и реторты, какие-то мешочки, узелки, связки стеблей и шерсти, шкурки, бусы из глаз, ногтей и крысиных ушей.

Аналог выглядел красавцем. Высокий, стройный, нет ни

присущей большинству троллей грузности, ни сутулой спины. Сломанный нос и язва исчезли – чистая, нежно-зеленая, как у юной троллихи, кожа. Меня всегда это забавляло.

– Спешу, – сказал я ему. – У тебя наличность есть?

– Может быть. – Он осторожно кивнул. – Смотря сколько.

В чем дело, Джа?

Я глянул назад – в дверях лавки никого не было – и тут же опомнился. Обычное движение для реала, в Патине оно не имело смысла. Здесь предпочитают подслушивать другими способами.

– У меня все чисто. – Шажок уловил мое беспокойство. – Я почти каждый день защитные заклинания обновляю и проверяю все щели. Что ты хочешь?

– Два дела, Шажок. Первое – завтра я появлюсь здесь с кучей дорогущих заклинаний, и мне нужно будет их по-быстрому скинуть. Новые боевые заклинания. Я знаю, ты один из самых богатых здесь, но все равно, всех твоих сбережений не хватит, чтобы выкупить мой товар... даже за ту плевою цену, которую ты обычно предлагаешь. – Тут он вскинул голову, собираясь возразить, но я его не слушал. – Кореша у тебя здесь есть? Такие, чтоб ты им доверял?

После довольно долгого молчания он сказал:

– Ну... есть... Не то чтобы кореша, но такие ребята, с которыми можно в долю войти без боязни, что кинут.

– Значит, столкнись с ними. Чтобы через день у вас было... не меньше восьми тысяч золотых. Я сброшу вам заклин-

нения, получу деньги и свалю. Теперь, Шажок...

– Постой, сколько?! – Аналог дрогнул, его изображение чуть смазлось, а контуры лавки вокруг на мгновение покрылись рябью.

– Восемь тысяч, а лучше еще больше, – отдельно произнес я. – Я пока точно не знаю сколько. Может, оно будет стоить и меньше, но, если у вас не окажется нужной суммы, я не хочу ждать тут, пока вы ее соберете. Так, с этим ясно. Теперь второе. Шажок, мне нужна какая-нибудь кобра помощней.

Он уже оправился от потрясения и, поскольку теперь разговор перешел в привычное русло, стал расспрашивать:

– Насколько помощней?

– Настолько, насколько возможно.

– Сколько?

– Восемьдесят. Если предложишь что-нибудь очень классное – сотня.

– Для чего?

– Хорошая двойная защита. Может, даже тройная.

– Насколько хорошая, Джанки?

Я вздохнул:

– Очень хорошая. «Склеп» и «метель».

– Какой «склеп»?

– Хрустальный.

– О! – Шажок помолчал и спросил: – Где?

– Брось, Шажок. Тебе это не нужно.

– Крупное дело, – решил он. – Собираешься грабануть ко-

го-то через Патину на червонец косых золотом. Восемь тысяч нам, конечно, не набрать, но я могу позвать в долю самого Малика. Растешь, Джа. Помню тебя еще мальчишкой, сыном барона, как ты таскал на рынок ворованные у прислуги твоего папаши заклинания для чистки ковров...

– Заткнись, Шажок. Что у тебя есть?

– Поскольку теперь у меня возник интерес к тому, чтобы твоя затея прошла гладко, то предлагаю Червоточину. Новая и очень навороченная.

Он сунул руку под прилавок и извлек небольшой глиняный кувшинчик с изящным тонким горлышком.

– Новая Червоточина? – удивился я. – Откуда взял?

Аналог усмехнулся, красиво заломив бровь.

– Брось, Джа. Тебе это не нужно. Она стоит две сотни.

– Слишком много, – возразил я, приглядываясь к кувшину. Горлышко запечатано, на коричневой глине виден узор. – Двести золотых! Ты обалдел? Даже за Червоточину это очень много. Сто двадцать, ну сто пятьдесят. Да и то...

– Нормально. Я же сказал – новый вид. Второй такой на континенте просто нет, сечешь? Пока что она в единственном экземпляре. У нее расширенные возможности.

– Расширенные возможности? Насколько расширенные?

– На один пункт.

Я наклонился, разглядывая печать. Неповрежденная.

– Кто склепал?

– Аскеты. Ты знаешь, их товар всегда высший класс. Вы-

сокая магия.

Я продолжал рассматривать печать. На ней и в самом деле был выдавлен знак аскетских шаманов.

– Квазиразумная?

– Конечно. Только прикажи – все сделает.

– Форма приказа?

– Обычная. Направляешь горлышко в нужную сторону, «Сделай дело...» – как всегда. Печать не повреди.

– Это «тихий» или «громкий» вариант?

– Не тихий – бесшумный. И атакует сразу по двумстам пятидесяти двум каналам.

– Не может быть.

– Я за базар отвечаю, ты ж знаешь. Она шестидесятичетырехразрядная, сечешь, Джа? Все предыдущие были восьми, ну шестнадцатиразрядные. А тут сразу шестьдесят четыре, такой прорыв... Ты представь, какая у нее степень проработки и скорость? Но вариант полностью бесшумный, то есть никакая защита не сможет определить, что с ней кто-то работает. До тех пор, пока ее не поймут...

– А потом?

– Как обычно. Уходит в Патину.

Я подумал.

– Сто пятьдесят.

– Извиняй, Джа. Я рассчитывал выручить за нее двести двадцать – двести тридцать монет. Отдаю тебе за двести только потому, что, как я говорил, заинтересован теперь в

результате. Считай, вкладываю разницу в твое предприятие.

– Врешь, Шажок. Никто не дал бы тебе почти четверть тыщи за Червоточину, пусть даже новинку с расширенными на пункт возможностями. Сто пятьдесят и...

– Ван Бер Дерен дал бы.

Я умолк. Дерен – самый богатый взломщик континента и обычно работает не на простых клиентов, а выполняет заказы личностей вроде Протектора.

– Я его сейчас видел. Он к тебе приходил, что ли?

– Он, по его словам, мимо шел, ну и решил завернуть в Оазис. Как увидел эту Червоточину – аж заикаться стал.

– Так чего ж не купил?

– Да у него с собой такой суммы не было.

– Это у Дерена-то?

– Я ж говорю, Джа, он вообще-то и не собирался что-то покупать. Потому, наверное, и не имел с собой двух с половиной сотен. Но обещал вернуться, просил, чтоб я эту Червоточину никому не отдавал.

– И ты не боишься его так кинуть?

Он опять заломил бровь:

– Это ж Оазис, Джа! Свободу торговли гарантирует лепрекон Малик. Даже такой крутой парень, как Ван Бер, ничего тут не может поделывать. Он что, против всех взломщиков побережья попрет? Против общины лепреконов, которая за Малика подпишется? Нет монет – значит, надейся, что никто не успеет перекупить товар, пока ты за ними ходишь. Он

не требовал, чтоб я Червоточину поберег, он просил, понимаешь? Короче, Джа. Двести, не меньше.

Я прикинул наличность. После расчета с Ат'Ланчи и каменными, с сотней, что добавил Макинтош, у меня имелось двести четыре монеты. Для простого горожанина – громадная сумма. На такие деньги в городе можно долго-долго жить целой семьей.

– Договорились.

– Еще одно, Джанки. Я сам этого не видел, но, насколько знаю, когда Червоточина сносит защиту уровня «хрустального склепа», тем более «метели», это проникает в реал. Взрыва особого не будет, но потряхнет прилично.

– Ладно, запомню. У меня последний вопрос. Что-нибудь слышал в последнее время о Куинбусе Флестрине?

Аналог Шажка опять чуть расплылся.

– С чего ты о нем вспомнил? – спросил он настороженно.

– Да так, любопытно.

– Он был в Оазисе с год назад. Охранял какого-то гнома-мага, искавшего магические элементы... определенного рода.

У меня – реального, а не аналога – дернулась щека.

– Чтоб оно все... – протянул я растерянно. – Шажок, а какого рода магические элементы он искал?

– Ну, он тут по многим продавцам прошелся. А Флестрин за спиной маячил все время. Для понта, понимаешь? Для прикрытия. У одного – то купили, у другого – это. У меня, к

примеру, гибкую стяжку. Таковую, которая, когда растопыри-
вается, сшибает все, что вокруг...

– Да знаю, – перебил я, и тут что-то словно толкнуло ме-
ня в бок. Я удивленно оглянулся – позади раскрытая дверь
лавки, лотки, мост-арка и никого. Что-то неуловимо измени-
лось в окружающем, будто где-то рядом начала происходить
какая-то бурная деятельность, которую я не мог увидеть...

– Это чего? – удивился Шажок. Меня опять толкнул кто-
то невидимый.

– Давай, давай... – Расплатившись, я схватил кувшин с
Червоточиной и выскользнул из Патины очень быстро, почти
без усилий.

Рядом на пол валился высокий тощий гоблин с торфяной
жабой на лбу, тот, что смотрел на нас, когда мы вошли сю-
да. В руке гоблин сжимал кинжал. Лоскутер уже сел за
соседний стол, одновременно вкладывая длинный клинок в
ножны на спине.

– Что случилось? – спросил я.

Гоблин, хрипя и держась за горло, тяжело ворочался на
полу.

– Готово? – произнес Лоскутер, опять вставая. – Ничего,
хотел твои карманы почистить.

Шажок Ребис, натуральный, не аналог, продолжал сидеть,
где сидел. Из-за уха торчал заточенный кончик кости. Он
сейчас одновременно видел и свою лавку, которую только
что покинул мой аналог, и меня в реале. Троль вяло поднял

руку и махнул на прощание. Его глаза смотрели мне в переносицу, не мигая. Я взглянул на свою руку. Пальцы сжимали горлышко маленького кувшина. Главное в нем – печать, и я еще раз проверил ее. Целая.

– Возвращаемся, – сказал я Лоскутеру, и тут свет мигнул. Потом мигнул еще три раза подряд.

Шажок заворочался, словно пробуждаясь от сна. Взгляд его стал осмысленным. Продавцы за соседними столами начали вскакивать, раздались испуганные голоса.

– Это что? – спросил я.

– Сигнал Малика. – Шажок вытянул из-под стола котомку и перебросил через плечо. – Если кто-то напал на Оазис, он так дает знать.

– Ты что? На Оазис кто-то нападает?

– Раньше при мне такого не случалось. А теперь, выходит...

Лоскутер потянул меня к двери, через которую мы проникли сюда.

– Идите лучше за мной! – позвал тролль и махнул в другую сторону. – Там за стойкой есть ход, выберемся на песок в миле отсюда.

Я покачал головой и бросился вслед за Лоскутером. Эплейцы и эльф с тандемом находились не в миле отсюда, а здесь, в Оазисе...

Продавцы и большинство недоумевающих посетителей бежали в противоположную сторону. Мы протолкались

сквозь толпу и поднялись по узкой лестнице в сумрак амбара. Из двери, отодвинув меня, Лоскутер выглянул первым.

– Малика нет, – заметил он. Раздался крик, потом взрыв.

Лоскутер, не оглядываясь, махнул рукой и выскочил наружу, я за ним. Пригибаясь, мы обежали кусты. Из окон соседних строений со свистом вылетело несколько стрел, кто-то опять закричал.

– Джанки Дэви! – раздался приглушенный голос.

Лоскутер указал влево, я посмотрел туда. Неподалеку за стволом дерева спрятался Атлас. Возле него стоял камелопад.

– Что здесь? – спросил я.

– Кто-то напал. Я не знаю...

Раздался скрип седел, в пространство между нами и эльфом один за другим влетели эплейцы, все с самострелами в руках. Следом медленно пятилась лярва, в корзине на ее спине, сжавшись и закрыв глаза, сидел Ат.

– На вас или на Оазис? – спросил я.

– Не знаю! – повторил Макинтош. – Мы же дежурили на краю. Это какие-то...

– Командир, давай сматываться! – перебил Дакот, сжимающий могучей лапой поводья еще двух камелопадов, моего и Лоса.

Строение позади амбара загорелось. В ту сторону побежали несколько защитников и тут же скрылись среди деревьев.

– Лос, садимся.

Я перехватил поводья у Дакота и залез в седло. Привстал на стременах, глядя туда, откуда летели стрелы. Видно было, что из пустыни к Оазису двигаются какие-то фигуры, но кто они, я разглядеть не мог.

– Готов, – сказал Лоскутер.

– Атлас, залезайте! – скомандовал я, разворачивая камелопада. – Пошли!

Камелопады рванулись вперед, подняв фонтан брызг, пересекли озеро. Мелькнули деревья, и я вдруг увидел спрятавшегося за стволом Малика. Он почему-то показывал мне кулак. Потом Оазис закончился – сразу же стало жарче. Еще несколько взрывов прозвучало позади, но уже куда тише.

– Джанки Дэви... – Я обернулся и увидел раскрасневшееся лицо Макинтоша, скачущего рядом. Скакал он неумело, то и дело съезжал в седле на бок. – Вы пробьете там долго, время уже поджигает. Достали, что хотели?

– И даже больше, чем хотел. Очень классное заклинание. Но оно обошлось в двести монет.

– Две сотни?! – поразился он. – Что это?

– Червоточина.

– Черво... – Он кивнул, опять сполз и ухватился за пятнистый горб. – Я слышал о них. Такая штука пробьет защиту базы?

– Не пробьет. Скорее съест. Это заклинание-джинн.

– Конечно. Трехразовое, да? Оно, ну, вроде как выполняет три задания? Или желания?

Я не ответил, потому что сзади прозвучал еще один взрыв.

3

– Он работал на корабле, что входил в торговую линию Первого Судоходства, – тихо говорил Лоскутер. – Последний из пустынных эльфов. Конечно, я знаю о нем. Среди нас эти сведения распространяются такими путями, о которых вы и не слышали. Линия состояла из семи кораблей. Они все пропали, вместе с экипажами и товаром. Как думаешь, что с ними стало?

– Атлас был суперкарго? – пробормотал я, пытаюсь разглядеть что-нибудь в подзорную трубу. Вечерело, тени окутывали пустыню Хич. – Я видел что-то об этом в Поиск-Пятне...

– Да, суперкарго.

– И пропали все корабли? – Я опустил трубу. Если нас кто-то и преследовал, сейчас их невозможно было разглядеть. – Целая линия? Такое могло случиться, только если он сошелся с кем-то из корсаров Архипелага.

Лоскутер быстро глянул влево – там ехал Атлас Макинтош. Перед эльфом трусила Ланчи с Атом в корзине, Салга с Дакотом возглавляли отряд, близнецы замыкали.

– Не могу заглянуть ему в лицо, – произнес Лос. – Странно, он все время отворачивается... Да, Макинтош сдал линию Судоходства корсарам. Не знаю, какая была его доля, но

вот откуда у него деньги. Ты уверен, что он, как и ты, хочет продать свою часть заклинаний Шажку?

В моей голове на мгновение возникла эта картина – армада кораблей Архипелага, вооруженная не только пушками и абордажными крюками, но и новейшими заклинаниями. На каждом корабле – маг или просто кто-то, секущий в Патине хотя бы так же, как я. Они через Патину смогут топить корабли противников или атаковать прибрежные города...

– Так ты думаешь?..

Лос пожал плечами и отъехал в сторону. Я заметил, что Атлас сначала косился на нас, а когда Лоскутер стал приближаться к нему, быстро отвернулся.

– Командир! – позвал впереди Дакот. – Это что еще за херня?

Ударив каблуками в бок камелопада, я подъехал к ним. Почти совсем стемнело, и впереди, там, где черная пустыня смыкалась с черным небом, проступило белесое свечение.

– Чтоб тебя! – прошептал я ошарашенно. – Дакот, знаешь, что это?

– Джанки Дэви! – подал сзади голос Макинтош.

– Эссенции просачиваются из Патины в реал, – пояснил я эплейцам, поворачивая камелопада.

– Смотрите, Джанки. – Макинтош протягивал руку навстречу мне. На ладони лежал золотой хронометр, циферблат светился. Единственная стрелка подобралась уже почти вплотную к красному кресту. – Мы задержались в Оазисе

дольше, чем я рассчитывал. Осталось совсем мало времени. Отряд гномов с заклинаниями скоро подойдет к базе.

– Это же пустыня, – возразил я. – Думаете, у них все рассчитано так точно? Они могут задержаться.

Он спрятал хронометр.

– Насколько я понимаю, проход откроется в четко определенное время. Вряд ли они задержатся. Скорее уж они придут раньше и подождут под базой... Что это?

Я посмотрел вперед.

– Очень большая магическая насыщенность. Патина как бы просачивается в реал. Никогда такого не видел, если честно.

– Нет, я уже заметил остаточное свечение эссенции. Я имею в виду вот это... – Он показал.

Сначала я ничего разглядеть не мог, а потом, когда глаза наконец привыкли к призрачному освещению, понял, что он имеет в виду. Широкая темная полоса словно разделяла свечение на две половины.

– Башня, – сказал я. – Надо же, она очень похожа на свой аналог, который я видел в Патине. Обычно аналог отличается от оригинала куда сильнее.

– Так вам удалось проникнуть в Лезия Олни?

– Конечно. Я решил кое-что разузнать, прежде чем соглашаться на ваше дело. Получилось удачно, выманил оттуда стаю хищных марлетов. Они бы сильно помешали нам сейчас.

– Вы разведали внутреннее строение базы?

– Насколько мне это удалось...

– Хорошо, – сказал Атлас. – Видели, сколько там гномов?

И эти три пояса защиты, мы про них говорили в самом начале?.. Внешний, внутренний и нижний?

– Видел. Гномов вроде бы около двадцати. Хотя вряд ли я разглядел всех. И меня заинтересовал нижний пояс. Для чего он?

– Не знаю. Но меня он волнует не меньше, чем вас. Червоточина выполняет три желания, я хочу, чтобы вы приказали ей вскрыть все три пояса.

– Нижний не помеха, чтобы добраться до заклинаний.

– И все-таки, Джанки, прикажите Червоточине сломать все три пояса. Она куплена на мои деньги, и я настаиваю...

– Ладно. Есть еще кое-что. Почему вы не сказали, что охраной базы руководит Куинбус Флестрин?

Лицо Атласа стало удивленным.

– Кто?

– Бросьте. Хотите сказать, что не знаете этих слов: Гном-Гора?

– Гном-Гора, да... ну да, Флестрин. Просто очень давно не слышал... Это ведь какой-то их народный герой?

– Что-то вроде того. Не верю, будто вы не знали, что это он руководит охраной.

– Но я и вправду не знал! – Эльф прижал ладонь к груди. – Понятия не имел. Я в своих розысках сосредоточился на ма-

гической стороне дела, пока вы мне не сказали, я даже не знал, сколько там гномов. Гном-Гора – это плохо, Джанки?

– Очень плохо. Слышали его историю? После войны, когда гномы уступили Вязкий тракт полужверям Пондиникосини, осталось много пленных, и полулису Дребету пришлось в голову организовать лагерь для них. Дребет был ученым, приближенным к руководству Понди, имел влияние... Он ставил опыты. Куинбус Флестрин был одним из пленных в том лагере. Воин и одновременно знаменитый певец. Всем им вырезали языки, кажется, после этого он и сошел с ума. Он поднял восстание, их всех перебили, в живых остался только Куинбус. За ним послали отряд, десяток полумедведей. Каким-то образом он завел их в рощи к югу от Вязкого тракта... и потом в рощах нашли их трупы. С вырезанными языками. Потом он то возникал в разных местах, то исчезал, и каждый раз его появление сопровождалось... большим количеством мертвых тел. А сейчас, я уверен, он там, куда мы направляемся.

– Но у нас – четверка каменных людей и тандем с лярвой, – возразил Макинтош. – Кто сможет противостоять им?

Позади раздался приглушенный звук. Чем ближе к базе, тем сильнее я беспокоился – и теперь дернулся назад. Лоскутер на своем камелопаде уже развернулся, в обеих его руках были клинки.

Впереди – свечение эссенции, но сзади совсем темно. Сколько я ни вглядывался, разглядеть ничего не смог. Ти-

шина, только песок шуршит под копытами животных.

Рядом возникло тусклое мерцание – Атлас Макинтош опять достал хронометр.

– Она уже почти у креста, – произнес он.

Я сказал:

– А мы уже почти у базы.

База заклинаний. Штурм

1

Большой бархан оказался тут очень к месту. Мы лежали на вершине, и снизу нас разглядеть было сложно – если, конечно, особо не высовываться.

Я наконец сообразил, что именно напоминала мне Башня. Когда-то в «Неблагодом Дворе» я видел, как два гнома играют в свою национальную игру – переставляют фигурки по разукрашенной черными и белыми клетками доске. Забыл, как называлась сама игра, но помню название одной из фигурок. Ладья. Вот чью форму в точности повторяла Башня. Ни одного окна, прохода тоже не видно. Хорошо хоть эссенция озаряла ландшафт мертвенным светом.

– Ат, давай-ка заглянем... – предложил я.

Камелопадов мы оставили у подножия бархана. Лярва улеглась пузом в песок на склоне и, кажется, задремала. Остальные лежали рядом со мной.

Коротышка сразу понял меня. Я перевернулся на спину, прикоснувшись пальцами к родимому пятну, уставился в звездное небо. И тут же соскользнул в Патину. Быстро, так же, как и у Малика. Магическая насыщенность была очень велика.

Рядом висел аналог Ата, чуть ниже я различил клубящийся сгусток – ту часть сознания лярвы, что всегда находилась здесь, в Патине. Я вдруг заметил, что от карлика к Ланчи тянется еле заметная, чуть толще волоса, нить.

Здесь проход был виден – прямоугольный контур на поверхности монолитной стены, пронизанной светящейся сетью, в которой танцевали малиновые искры. Наверняка все это было настроено так, чтобы пропускать внутрь только гномов, но никого больше.

Между нами и Башней висели мерцающие ловушки.

– Рассмотрел? Хорошо, выходим.

Сполох – и я увидел звезды в черном небе. Песок постепенно остывал, становилось прохладно.

– Так... – произнес я. – Слушайте все. Сейчас спускаемся вниз. Делать четко то, что я скажу, потому что я буду проводить вас мимо ловушек. Там есть такие, что если их зацепишь, то свернут шею или сварят в кипятке, а есть «сигналки». Их тоже тревожить нельзя, потому что тогда недомерки узнают, что мы здесь. Если я остановился – тут же всем встать. Лег – лечь, прыгнул в сторону – прыгать быстро. Когда появляется отряд, ждем, чтоб они открыли проход, и нападаем. Это ваше дело... – я ткнул пальцем в грудь Дакота, – ... задержать отряд. Червоточина расстроит внешний пояс, а вы должны дать возможность Ат'Ланчи пробиться внутрь. Мы с Атласом идем за ней, Лоскутер нас охраняет. Когда разберетесь с отрядом, тоже заходите внутрь и догоняете нас.

Там, внутри, все будет происходить очень быстро. Двигаемся плотной группой, тандем впереди, я и эльфы в центре, Дакот с остальными вокруг нас. Ат'Ланчи смотрит вперед и давит все, что попадает на пути. Эплейцы, вы смотрите на то, что по бокам и сзади. Как войдем – сбоку должна быть лестница. Сразу же ломимся на второй этаж. По дороге я опять использую Червоточину, пока поднимемся, она должна успеть расстроить второй пояс. Я говорю – вы делаете. Говорить буду громко. Делать, что я сказал, без раздумий, без разговоров. Вопросы?

– Меня волнует эта нижняя защита, – подал голос Макинтош. – Джанки, вы обещали...

Я перебил:

– Хорошо, хорошо. Сказал же, использую Червоточину три раза. Еще что?

Дакот шумно вздохнул и открыл рот, но потом передумал. Салга уставился на него, я тоже.

– В чем дело, Дак?

– Не, командир.

– Давай, спрашивай. Лучше сейчас, пока тихо.

– Не, все нормально. Все ясно.

Салга отвернулся. Я перевел взгляд с одного эплейца на другого.

– Ладно, нормально так нормально. Еще что?

Карлик поднял маленькую ручку.

– Да, Ат?

– Я могу управлять Ланчи с большого расстояния. У нее-то шкура что твоя броня, ей гномьи клинки нипочем, но я...

– Так что ты хочешь?

– Надо, чтоб меня не Ланчи несла, а кто-то из вас.

Я окинул их всех взглядом. Каменные не годились – они будут разбираться с гномами. Лоскутер тоже, он охраняет меня и Макинтоша. Эльф? Я покосился на него. Атлас был куда щедрее меня, к тому же я не настолько ему доверял. Хотя у него дротики, а я вообще без оружия...

– Хорошо, Ат,ними корзину. Я тебя понесу. Еще вопросы?

Они молчали.

– Так, ладно. Теперь заткнитесь все.

Я встал на колени так, чтобы база оказалась перед глазами, поднял руку с глиняным кувшинчиком и – вошел в Пятину.

Окружающее изменилось, но кувшин так и остался кувшином. Я направил горлышко в сторону Башни и «хрустального склепа» в толще ее стен.

Из кувшина вырвался сполох эссенции, словно клуб розового дыма.

За ним показалась маленькая плоская головка.

Тонкая шея изогнулась, почти разумные глаза взглянули на меня, затем на Башню.

– Сделай свое дело! – приказал я.

Обычно они тихо шипят, и потому хорошо настроенная

защита иногда может определить их. Но эта двигалась бесшумно.

Аскетская Червоточина устремилась вперед: одна голова, вторая, третья... Длинное тонкое тело, все покрытое черными крапинками, разделялось на множество – если верить словам Шажка Ребиса, то на двести пятьдесят шесть. Они бесшумно протянулись к Башне и опутали ее.

Я вышел из Патины.

– Спускаемся.

Один из камелопадов внизу громко фыркнул.

– Вага, Герон, проверьте, – приказал я.

Близнецы глянули на Дакота, тот кивнул. Выхватив из ножен клинки, они сбежали по склону мимо лярвы и удивленного Ата, который как раз брел к нам с корзиной в руках.

Мы все развернулись спиной к башне, лицом в ту сторону, где стояли камелопады.

– У вас сколько стрел? – спросил я, и Салга ответил:

– По полсотни у каждого.

– Ат, а шкуру Ланчи стрела из эплейского самострела пробыет?

– Не, Джанки, что ты... – Он протянул мне корзину. Сунув ее за спину, я принялся застегивать ремни под мышками и на поясе.

– Ты хоть не тяжелый?

– Как перышко, Джа, как перышко...

Внизу опять фыркнул камелопад. Салга вскочил со взве-

денным самострелом в руках, взглядываясь в темноту. Шумно выдохнул и опустился на колени, когда увидел поднимающихся близнецов.

– Ничего, – пробурчал Вага, останавливаясь возле нас. – Никого там нет.

Ат тем временем, натужно сопя, забрался в корзину. Он и вправду был легким, словно ребенок. Я приказал:

– Спускаемся к подножию этого бархана.

Сопение карлика над моим ухом смолкло – он вошел в Патину, чтобы управлять лярвой.

Мы стали спускаться, загребая ногами песок. Свечение от базы разливалось ровной пеленой. Шорох песка смолк, когда мы остановились у подножия бархана, и наступила полная тишина.

– Эге, красивые... – отрешенно прошептал вдруг карлик мне в ухо. – Змейки, змейки, много их... Съедают малиновые искры. Красивые...

За барханом снова фыркнул камелопад. Я вошел в Патину.

* * *

...И сразу увидел первую «сигналку». Веревка, сплетенная из толстых волокон, будто пропитанных жиром, висела низко над песком. Оба ее конца терялись в свечении эссенции. Я подошел поближе, остановился и спросил:

– Видишь?

– Вижу, – откликнулся аналог Ата. – И другие вижу. Вон и вон...

В разных местах среди ровного свечения эссенции выделились более яркие пятна. Дальше высилась Башня, в ее стенах горел «хрустальный склеп», по которому плясали малиновые искры. Вслед за этими искрами двигалось множество тонких, почти незаметных тел.

– Проведешь мимо ловушек Ланчи?

– Конечно, Джа. Ты другими командуй.

Я вышел из Патины и сказал остальным, уже вставшим рядом со мной:

– Здесь «сигналка». Вот здесь... – Я нагнулся, проводя ладонью над невидимыми в реале волокнами. – Зацепим ее, и поднимется такой вой, что недомерки со всего континента сбегутся. Значит, теперь мы осторожно поднимаем ноги и переступаем через нее, ясно?

Они кивнули. Показывая пример, я широко шагнул и остановился по другую сторону ловушки.

– Давайте.

Через «сигналку» перешли все, и я вновь проник в Патину. Дальше были два «кактуса», «горючие слезы», еще одна «сигналка» и «шееломка».

– Выстроиться в ряд, – приказал я, вернувшись в реал. – Идти друг за другом так, чтоб дышать в затылок переднему. Лос, ты за мной.

Я пошел вбок, огибая первую ловушку, потом провел их между двумя другими. Позади всех топала лярва – когда надо, перебиралась через ловушки, когда надо, обходила их.

– Хорошо, – сказал я, останавливаясь и смахивая пот со лба. – Теперь осталась только одна «шееломка», а дальше будет пустой участок до самой стены. Все нормально? – Я оглянулся.

Лос, за ним Макинтош, потом Дакот, Салга и близнецы.

– Стрелка уже на кресте, – произнес Атлас, пряча хронометр. – По-моему, им пора появиться...

Я поднял руку, и он умолк. Показалось или там в самом деле какой-то шум?

– Лос, трубу...

Эльф протянул ее, я поднес окуляр к глазам и отпрянул от неожиданности – передний из процессии гномов, казалось, шел прямо передо мной.

– Еще одна ловушка, и все! – зашипел я. – Обходим ее, быстро. Залегает слева от ворот. Они уже близко...

Повернувшись, шагнул вперед. Оставалась последняя «шееломка», но я из-за того, что вертелся на одном месте, теперь точно не помнил, где она. То есть примерно я это знал, но...

Я пошел, делая короткие шаги, пытаюсь представить себе: вот он, высокий Т-образный стержень, светится сиреневым, сверху свисает крюк...

Сбоку появилась кацапета. Большой осклизлый ком полз,

будто процеживая эссенцию, пропуская ее сквозь себя и оставляя позади темную полосу, которая быстро затягивалась. Кацапета – элементарь, одна из самых безобидных. Главное, не попадаться на пути. Я покосился на нее, отвел взгляд и тут же понял, что крюк сейчас примерно над моей головой. Может быть, чуть выше, но если я приподниму голову и даже немного зацеплю его, «шееломка» сработает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.